

Похищение Европы

Автор:

[Александр Маркова](#)

Похищение Европы

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Ангелы в погонахКрымский излом #7

Итальянское государство рушится под натиском Красной Армии, Советский Союз заключает с Ватиканом Договор о Сосуществовании. Разбиты хорватские усташи, несколько стремительных ударов мехкорпусами ОСНАЗ выбивают из войны Венгрию. Высадившись на юге Франции, советские войска неудержимо продвигаются к Парижу.

Все еще надеясь на потустороннюю помощь, Гитлер продолжает приносить массовые жертвы темному богу, а к папскому нунцию в Швейцарии приходит женщина с фальшивыми документами, которая просит католическую церковь принять у нее публичное покаяние. Узнав, кто она на самом деле, Папа Римский решает лично провести этот обряд, поскольку случай действительно беспрецедентный.

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Крымский Излом

Вступление

Летне-осенняя кампания тысяча девятьсот сорок второго года, затянувшаяся до конца декабря, была победоносной, но обошлась Советскому Союзу чрезвычайно дорого. Тяжелые сражения, непрерывно гремевшие на советско-германском фронте в течение полугода, позволили отвоевать огромную территорию и нанести врагу тяжелые поражения. Тем не менее возможности Красной Армии к началу января сорок третьего года были на исходе. Потери, конечно, нельзя было сравнить с потерями лета-осени сорок первого, однако они все же были значительными. За все это время Красная Армия потеряла погибшими семьсот тысяч бойцов и командиров, и два миллиона были ранены (некоторые неоднократно). Кроме того, существенные потери в технике понесли авиационные и бронетанковые части; орудия артполков РВГК требовали замены расстрелянных стволов, а растроченные запасы топлива и боеприпасов – пополнения складов. Впрочем, гитлеровской Германии тоже было не до активных действий. За эти полгода она понесла жесточайшие потери, и теперь ей приходилось зализывать почти смертельные раны.

Но при этом в ходе безудержного наступления была освобождена практически вся территория СССР, а также Румыния, Греция, Албания и половина Югославии. Первому Украинскому и Первому Белорусскому фронтам удалось зацепиться за краешек Польши, в силу чего в Люблине (как было и в нашей истории) уже сидело народное правительство Болеслава Берута. На севере в Скандинавии Красная армия разгромила и уничтожила армейскую группу вермахта «Лапландия», нанесла поражение и заставила безоговорочно капитулировать армии Финляндии и Швеции, установив контроль над территорией этих стран, захватила у германской армии территорию Норвегии, остров Зеландия с городом Копенгаген и остров Борнхольм. На юге были захвачены: зона Черноморских проливов, Западная Армения и область Смирны (впоследствии переданная народно-демократическому правительству Греции).

В силу вышеизложенного, после окончания операции «Нахимов» и до конца марта на советско-германском фронте установилась оперативная пауза. Проглотив в ограниченный срок значительную территорию, Красной Армии следовало ее прожевать, переварить, восстановить проходящие через нее транспортные коммуникации, а также провести мобилизацию мужчин призывного возраста, которые летом сорок первого года остались на оккупированной территории. Тут были и те молодые люди, кого просто не успели призвать, и военнослужащие РККА, которые, оказавшись в «котлах» в первые, самые страшные, месяцы войны, избежав плена, расползлись примаками по белорусским и украинским хатам. Не герои-партизаны, но и не

изменники Родины... Так, бабьи осеменители, хатоскрайники, серединка на половинку. По подвигу им будет и награда. В отличие от молодых людей и бывших партизан, этих призывают сразу в штрафбат; и только потом те, что выживут, попадут в строй «обычных» дивизий РККА.

Определенных усилий (причем весьма серьезных) и присутствия значительных воинских контингентов потребовала борьба с националистическим бандподпольем на территории Финляндии, Прибалтики, Западной Украины, в освобожденных районах Польши, в зоне Черноморских Проливов и в Западной Армении. И хоть немецким солдатам даже одним глазком не удалось глянуть на Кавказские хребты, беспокойно было в Чечено-Ингушской ССР, Калмыкии, Дагестане и даже в родной для вождя Грузии. Не хотелось детям гор и степей на фронт – туда, где стреляют и убивают, где надо выполнять приказы командиров и, главное, где требуется воевать за чужое и непонятное им советское государство. Вот и скрывались по горным ущельям и степным кочевьям банды молодых людей, уклоняющихся от призыва, создавая заботы органам государственной безопасности. Чекисты их, конечно, ловят, судят, посылают «на канал» и «на уран», да только конца-края этой проблеме не видать... И советской власти так и хочется сорваться и устроить массовую депортацию маленьких, но гордых народцев в Сибирь и Среднюю Азию... но нельзя. Товарищ Сталин уже знает, что, по большому счету, в масштабах десятилетий этот метод ничего хорошего Советскому Союзу не принесет.

А вот в Крыму было тихо, несмотря на отсутствие тех самых массовых депортаций. После досконального и неукоснительного исполнения советского законодательства в отношении врагов народа и пособников немецко-фашистских оккупантов некого было депортировать. Все виновные вкалывают на стройках Атомного проекта на рудниках в Зеравшане (в одном флаконе золото и уран); их дети – те, что не доросли до тележной чеки – отданы в детдома, а остальная родня сослана и разбросана по многочисленным поселениям ЧСИР на необъятных просторах Сибири и Камчатки. Правда, тех крымских татар, которые служили в Красной Армии и не нарушали присягу, с фронта не убирали. При этом действовало правило – герой Советского Союза или просто орденосец (даже если он получил награду посмертно) имеет право вернуть своих ближайших родственников из ссылки обратно на родину.

И теперь время тишины на фронтах подходило к концу. Два с половиной месяца оперативной паузы, когда Красная Армия вела на фронтах только бои местного значения, а части НКВД в основном занимались операциями умиротворения в

ближних и глубоких тылах, устраняя разные пережитки старины, не прошли для Советского Союза даром. Вернулись из госпиталей раненые, а молодое пополнение недавнего призыва прошло полный курс боевой подготовки. Взамен техники и вооружения, изношенных и подбитых в боях, на замену были изготовлены и получены по ленд-лизу большие партии новых, более совершенных катеров на воздушной подушке, танков, орудий, артиллерийских тягачей и самолетов, а склады были пополнены топливом и боеприпасами. Настал момент, когда Красная Армия снова ощутила в себе силы в ходе предстоящей весенне-летней кампании пощупать вермахт за теплый волосатый сосок. Вопрос был только в том, где, когда и какими силами будут нанесены основные сокрушающие удары, целью которых станет окончательное уничтожение Третьего рейха и установление советского контроля над континентальной Европой. Необходимо было добиться максимума стратегического эффекта при минимуме собственных людских потерь.

Впрочем, немцы тоже не теряли времени: в поте лица сотни тысяч спешно мобилизованных «расово неполноценных» рабов возводили по рубежу Вислы очередную версию несокрушимого Восточного Вала. Впрочем, Красная Армия и не имела намерений таранить медным лбом железный забор долговременной обороны, в несколько рубежей протянувшийся от предгорий Карпат до самого Балтийского моря. Верховный Главнокомандующий Советского Союза не собирался заставлять Красную Армию грызться с фашистским зверем со стороны его жесткой зубастой морды, а вместо этого предпочитал терзать ударами его мягкое балканское подбрюшье, заставляя врага буквально истекать кровью. Так что следующая стратегическая наступательная операция на южном направлении советским командованием была уже спланирована, наряд сил для нее выделен, и в канун начала весенней кампании оставалось лишь уточнить некоторые детали.

Часть 25-я. Итальянский Гамбит

29 марта 1943 года, Черногория, порт Бар, авианосец «Адмирал Кузнецов».

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Адриатика в конце марта совсем не ласковая и голубая, как на туристических проспектах нашего времени, а хмурая, словно какое-нибудь Баренцево море, яростно бьющее свинцовыми валами в скалистые берега. В античные времена, когда корабли были еще зело несовершенны, в период с середины октября по первые числа апреля ни один мореплаватель, если ему была дорога жизнь, не отваживался высунуть нос за пределы закрытых бухт, защищающих хрупкие деревянные скорлупки от ярости морской стихии. Местные шторма – это, конечно, не тихоокеанские тайфуны, способные укатать даже современные перворанговые линкоры и авианосцы, но и они в состоянии сделать невозможным запланированный нашим командованием стратегический десант на итальянское побережье.

Стоя на мостике авианосца «Адмирал Кузнецов», нынешнего флагмана Черноморского флота, я обзираю подчиненный мне флот и вспоминаю состоявшееся несколько дней назад совещание в Кремле, которое должно было расставить в предстоящих операциях все точки и запятые. Менять что-то по крупному теперь поздно: флоты, корпуса ОСНАЗ и общевойсковые армии уже передислоцированы в исходные районы сосредоточения, и теперь, сидя на запасах топлива и боеприпасов, накопленных за время оперативной паузы, ожидают приказа на начало наступления.

– Товарищ Ларионов, – сказал тогда Сталин, прощаясь после совещания, – вам оказана высокая честь – открыть кампанию тысяча девятьсот сорок третьего года... Ваш удар по фашистской Италии должен выбить у Гитлера еще одного союзника и еще на один шаг приблизить нашу окончательную победу в грядущей войне...

Немного помолчав, Верховный негромко добавил:

– Есть мнение, что на этот раз нам нужна настоящая Победа. Не такая, какая была в вашем мире – неполная и создавшая предпосылки к дальнейшему поражению Советского Союза в так называемой Холодной войне – а такая, после которой мы сможем на равных противостоять всему капиталистическому миру. Мы должны не только победить Гитлера, но и выиграть Вторую Мировую войну – чтобы обеими ногами твердо встать на Евразийском континенте от Британии до Японии... Мы помним все, что случилось в вашем мире, и не хотим повторения той истории. Интересно, что скажут господа капиталисты, если им придется соревноваться с нами в условиях, когда экономические потенциалы социалистической и капиталистической систем будут равны, а военная

опасность для Советского Союза резко снизится? Впрочем, товарищ Ларионов, вы и сами все это прекрасно понимаете, поэтому мы на вас рассчитываем и верим, что вы сделаете все возможное и даже невозможное для того, чтобы операция «Ушаков» завершилась успехом. Имейте в виду, что вас в Италии ждут и надеются на скорейший приход Красной Армии, поскольку основной массе закоренелых католиков-итальянцев совсем не нравится мысль о том, что они, возможно, даже против своей воли, вдруг так или иначе стали прислужниками сеньора Сатаны. Те, кто раньше нам мешал, теперь будут нам помогать, ведь Гитлер с его сатанизмом пугает католическое духовенство намного сильнее, чем коммунисты. Да и в самом деле, не такие уж мы и страшные...

Чего-то подобного я ожидал еще с осени, когда узнал о разработке плана операции «Нахимов». Было очевидно, что Черноморские проливы товарищ Сталин брал не только с целью превращения Черного моря во внутреннее советское озеро, где никогда не смогут появиться боевые корабли иностранных флотов, но и для того, чтобы открыть выход нашему собственному Черноморскому флоту на оперативный простор Средиземного моря. После захвата Датских проливов такую же свободу действий в Северном море уже имеет Краснознаменный Балтийский флот, получивший возможность совместных действий с лояльными королю Георгу кораблями британского Хоум-флота. Сводная эскадра адмирала Тови, бежавшая после профашистского переворота из базы Скапа-флоу, в настоящий момент, совместно с героическим Северным флотом адмирала Головкин, базируется на норвежский порт Берген.

В нашей истории советские флоты из Балтики и Черного моря не выходили и в боевых действиях были когда подсобными рабочими, а когда и простыми статистами, исполняющими роли без слов. Воевали подводные лодки, торпедные катера, морская авиация и морская пехота, а линкоры и крейсера скучали в базах, ибо каждый их боевой поход оборачивался тяжелейшими повреждениями. Это бездействие и стало причиной послевоенного разочарования Верховного в военно-морском флоте как в роде войск. В результате линкоры и линейные крейсера, заложенные еще до войны, по ее окончании были разобраны прямо на стапелях, а доставшийся Советскому Союзу при разделе германского флота почти достроенный авианосец «Цепелин» был использован в качестве плавучей мишени для тренировки советских пикировщиков.

Впрочем, такое отношение к флоту оправдывалось еще и тем, что по итогам войны сложилось положение, когда вероятный противник в грядущей Мировой войне находился не по другую сторону Атлантического или Тихого океанов, а в

непосредственной близости от советских границ: в Западной Европе, Турции и Южной Корее. Поэтому первым делом требовалось могучим ударом танковых и воздушных армад сбросить в море сухопутные группировки американцев и их союзников, и только потом думать о том, как воевать на море. Третья Мировая тогда виделась как некоторое продолжение Второй Мировой, приправленной острым соусом ядерных ударов. Потом появились межконтинентальные баллистические ракеты, способные «достать» врага на любом расстоянии от своих рубежей, и возникла иллюзия, что воевать на море необязательно. Что подводные лодки с баллистическими ракетами – это вещь, а весь надводный флот может состоять только из ракетных катеров, эсминцев и противолодочных кораблей.

Слава Марксу с Энгельсом, что удалось объяснить Хозяину, что такой подход есть чистой воды троцкизм и хрущевщина. Если мы хотим сражаться с международным империализмом на равных, то Большой Флот Советскому Союзу необходим в любом случае, тем более что и война должна теперь закончиться совсем с другим результатом. Захват контроля над Черноморскими и Датскими проливами – как раз и есть работа в интересах флота на ту самую окончательную Победу. На нее работает и операция «Ушаков», то есть высадка стратегического десанта на юге Италии, на Апулийском полуострове. Успех этой операции неизбежен, ведь, помимо недавно сформированного черноморского десантного корпуса особого назначения (командовать которым назначен отличившийся во время летнего наступления генерал-майор Криволапов), в ней принимает участие балтийский десантный корпус ОНАЗ под командованием генерала Чуйкова. А это проверенное в бою соединение, уже бравшее с налету Хельсинки, Стокгольм и Копенгаген, а также принимавшее участие в зачистке нацистского ракетного полигона на полуострове Пенемюнде. Короче, суровые ребята с большим боевым опытом. Балтийский корпус у нас нацелен на город и порт Бари, а черноморский на Бриндизи. Средства десантирования – наши БДК, эсминцы, тральщики, торпедные катера, а также большое количество катеров на воздушной подушке.

Как только десант захватит портовые причалы и хотя бы немного отгонит от них суетливых итальяшек, на плацдармы начнется переброска частей конно-механизированной армии Буденного, а также частей 37-й и 12-й общевойсковых армий, под общим командованием генерала Апанасенко, вполне удачно справившимся с разгромом Турции на Кавказском фронте. Но наше дело морское: высадить десант, захватить плацдарм и сделать так, чтобы никто не мог прервать снабжение и пополнение десантировавшейся группировки. Из кораблей в составе действующих сил Черноморского флота под моим

непосредственным командованием находятся: авианосец «адмирал Кузнецов» (имеющий на борту полную авиагруппу из сотни «Диких Котов»), старый линкор «Севастополь», крейсера «Молотов», «Ворошилов», «Красный Крым» и «Красный Кавказ», а также приравненный к крейсеру эсминец из двадцать первого века «адмирал Ушаков»; все четыре БДК оттуда же, а кроме того, эсминцы, подводные лодки, тральщики и торпедные катера...

Конечно, этот состав не сравнить с итальянским флотом, но у макаронников дух давно уже сидит в пятках. Из четырех списочных линкоров один у них находится в капитальном ремонте, один не достроен, еще один только что принят в боевой состав флота и еще не до конца освоен командой, и только один можно считать полноценной боевой единицей. При этом авианосцев у итальянцев нет, береговая авиация фатально устарела, над трехмоторными торпедоносцами «Савойя» смеются даже куры на заборе, а не только наши «Дикие Коты» с «адмирала Кузнецова».

Налет этих медлительных и неуклюжих каракатиц на Бар около месяца назад стал для наших палубных летчиков настоящим праздником в стиле Карабаса-Барабаса. Ну, «Ушаков» и пострелял по хулиганам зенитными снарядами из своих АК-130. А тут для зенитных орудий это сверхтяжелый калибр. Ни одна из полусотни «Савой» не смогла подобраться к нашим кораблям на дистанцию сброса торпеды, и ни одна не сумела вернуться на свой аэродром. И еще неизвестно, каким итальянским летчикам повезло больше: тем, кто погиб сразу, или тем, кто сумел все-таки посадить на воду подбитые машины и попытался спастись на надувных лодках. Штормовая волна переворачивает утлую лодчонку как игрушку, выбрасывая из нее людей в холодную морскую воду, а там, несмотря ни на какой надувной жилет, от пятнадцати минут до получаса – и человек погибает от переохлаждения. И только некоторых «одуванчиков» сумели подобрать наши эсминцы, ибо торпедным катерам в такую погоду выход за боны был противопоказан. И то некоторых уже почти спасенных волна иногда с такой силой била о корабельный борт, что вместо человека на палубу вытягивали мешок с переломанными костями. Да уж, тяжело жить тем, кто волей или неволей воюет на стороне Сатаны.

После неудачи итальянской авиации к нам в Бар сунулись было дерзкие «мальчики» князя Боргезе, но все как один сгнули бесследно вместе с лодкой-носителем. Ну а как же иначе – ведь, помимо палубной авиации, в нашем распоряжении имеется и подводный морской ОСНАЗ, диверсанты и контрдиверсанты, ученики и продолжатели капитана третьего ранга Федорцова.

Тут итальянцам не Александрия, а мы не флегматичные англичане, тем более что было совсем не трудно догадаться, что раз уж мы оказались поблизости от итальянских берегов, то супердиверсант дуче обязательно попытается прощупать нас на прочность и поквитаться за утопленные год назад линкоры «Литторио» и «Витторио Венето». Но все получилось как раз наоборот, и не помог итальянцам ни опыт тайной подводной войны, ни технические ухищрения вроде аквалангов; и теперь уже нашим диверсантам поставлена задача расчистить дорогу десанту, убрав с его пути самые вопиющие препятствия.

До этого ожидаемого всеми момента осталось совсем немного времени: от пяти дней до недели. Сезон зимних штормов на Адриатике подойдет к концу, после чего обе моих ударных группировки на десантных СВП с размаху перемахнут через Пролив и клещами вцепятся в итальянский берег. А дальше – «если враг не сдастся, то его уничтожают». Впрочем, летняя кампания прошлого года показала, что в бою итальянские солдаты не противники даже самым обычным дивизиям РККА, а не только таким головорезам как морская пехота. К тому же у нас на той стороне (спасибо Гитлеру с его сатанизмом) мощнейшая пятая колонна – римская католическая церковь, втайне от окружающего мира в ходе войны сумевшая заключить договор о сосуществовании (конкордат[1 - Конкорда?т (от средневекового лат. concordatum – соглашение, от лат. concordo – нахожусь в согласии) – по канонической терминологии договор между папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом.]) с Советским Союзом.

По этому соглашению советская власть не будет покушаться на богатства РКЦ, а та вспомнит об исходных идеях христианства и вместо накопления богатств в церковной казне и пышного украшения храмов будет тратить свои средства на борьбу с нищетой и безграмотностью, устройство школ, больниц и домов для престарелых людей. Однако все тайное однажды может стать явным. Времени до того момента, когда гестапо и СД сумеют разнюхать о существовании такого договора, возможно, осталось совсем немного, а потому нам следует поторопиться, пока немцы и самые оголтелые из итальянских фашистов не спохватились и не устроили антикатолический террор по образцу минской резни.

02 апреля 1943 года. Вечер. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Пий XII, урожденный Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, Папа Римский.

За стенами Апостольского дворца протяжно выл ветер и хлестал проливной дождь. Это было последнее усилие зимы, прежде чем она уступит свою власть приближающейся весне. Тут, в южных субтропических краях, где климат смягчен благотворным дыханием Средиземного моря, зима представляет собой не морозы и снегопады, а проливные дожди и промозглые ветра. Даже в самые холодные месяцы года температура редко опускается до точки замерзания, а уж сантиметровой слой снега на итальянских дорогах становится поистине стихийным бедствием. Впрочем, Папу Римского Пия Двенадцатого и Государственного секретаря Ватикана кардинала Луиджи Мальоне, тихо беседовавших перед огромным камином, в данный момент занимала отнюдь не погода...

– Наша святая мать церковь в опасности, – перебирая четки, спокойным медитативным тоном говорил Папа, – ныне мы находимся между Сциллой и Харибдой. С одной стороны от нас рыкающим львом во мраке бродит Гитлер, только и мечтающий о том, как распространить на Италию власть Князя Тьмы; а с другой стороны, уже совсем рядом, на штормовом ветру необратимых перемен трепещут алые знамена мирового коммунизма...

В глазах Его Святейшества играли отблески огня. Пий Двенадцатый не имел привычки смотреть в упор на собеседника. Он словно бы постоянно находился в состоянии духовного контакта с Богом. И сейчас его лицо было обращено к камину. Лишь изредка он мог бросить взгляд в сторону своего визави, но при этом казалось, что Папа смотрит не на самого кардинала, а сквозь него, видя там нечто такое, что не дано узреть другим.

– Ваше Святейшество, – тихо сказал Государственный секретарь Ватикана, – если вы позволите, то, чтобы вы могли взвесить все про и контра, я сейчас немного побуду адвокатом господина Сталина...

– Это будет весьма полезно, монсеньор Мальоне, – кивнул Папа, – итак, начинайте...

Произнеся эту фразу, Пий Двенадцатый прикрыл глаза и опустил голову. Со стороны могло показаться, что он дремлет либо же погружен в собственные мысли, но кардинал знал, что именно эта поза свидетельствует о предельном внимании Папы к речам собеседника. Глава Римской Католической Церкви отличался острым умом и отличной памятью. И хоть на лице его не отражалось никаких эмоций, можно было быть уверенным, что в его душе находит отклик каждое слово обращающегося к нему.

– Гитлер обречен, – твердо произнес кардинал Мальоне, – не пройдет и полгода, как русские отправят его и его империю на встречу с их ужасным господином. Чем дольше продолжается эта война, тем все более сокрушительные удары наносит по вермахту Красная Армия. Открытое обращение Гитлера к Сатане отнюдь не испугало русских, как рассчитывали в Берлине, а только привело в неистовую ярость.

– Это-то нас и пугает, монсеньор Мальоне... – так же тихо сказал Папа, поднимая на собеседника свои сумрачные темные глаза, не меняя при этом ни позы, ни выражения лица. – Ибо разъяренный человек не склонен разбирать между виновными и невинными, и его тяжелая рука крушит всех, кому не повезло попасться под ее удар.

– В случае с Румынией и Болгарией, – ответил кардинал, – господин Сталин показал, что он выше слепого марксистского догматизма и дикарской мстительности. Вовремя перешедшие на сторону русских болгарский царь Борис и румынский король Михай вознаграждены и обласканы, а местные коммунисты, пожелавшие организовать низвержение своих монархий, получили от Москвы увесистый щелчок по носу и команду «Фу». Также должен сказать, что русские большевики изменили отношение и к своей собственной ортодоксальной церкви, которой три месяца назад все-таки разрешили провести конклав архиереев и избрать себе патриарха.

– Хотелось бы верить, монсеньор Мальоне, – после некоторых раздумий произнес папа, – но я опасюсь, что все это миролюбие господина Сталина однажды закончится – причем случится это ровно в тот момент, когда Гитлер будет окончательно побежден и Европа безвозвратно падет в объятия коммунизма.

Государственный секретарь Ватикана на некоторое время задумался, а потом решительно произнес:

– Ваше Святейшество, как вы уже знаете, несколько дней назад в Рим вернулся наш посланец, которого мы еще в прошлом году посылали в Москву кружным путем, через Турцию и Персию. Так вот, он привез не только завизированный господином Сталиным проект конкордата с Советской Россией, но и письмо от советников советского вождя, которых еще называют «старшими братьями». Наш посланец лично встречался с несколькими из них и в ходе весьма познавательной беседы сделал прелюбопытнейшие наблюдения...

Услышав эти слова, Папа перестал перебирать четки. Он медленно поднял голову и вперился в кардинала Мальоне холодный немигающий взгляд очковой змеи. Это означало, что он весьма взволнован тем, что только что услышал. Взволнован – и крайне заинтересован.

– А вот с этого момента, монсеньор Мальоне, – медленно сказал он, – я хотел бы услышать все возможные подробности этой истории... Доныне большевики предпочитали так тщательно скрывать своих зловещих покровителей, что, несмотря на множественные материальные свидетельства их существования, можно было подумать, что они не более чем миф.

– Увы и ах, ваше Святейшество, – сказал кардинал, – «старшие братья» русских большевиков – реальность. Они существуют и действуют не только в ближайшем окружении господина Сталина, но и во множестве других мест – что и неудивительно, ведь в наш мир с их ужасной прародины попало несколько тысяч их современников. «Старшим братом» является генерал Бережной, научивший своих местных коллег вспарывать танками немецкий фронт, будто бритвой перьевую перину. «Старшим братом» является адмирал Ларионов, командующий русским Черноморским флотом, сменивший тряпку и увальня Октябрьского и теперь шагающий от победы к победе. Следующий шаг, как я понимаю, ему предстоит совершить в Италии. В противном случае непонятно, зачем подчиненный ему флот, включая значительную десантную флотилию, сконцентрирован в черногорском порту Бар, прямо напротив нашей Апулии. Так что, скорее всего, пройдет совсем немного времени – и вы сможете познакомиться с ним лично, ибо он наверняка пожелает посетить Вечный Город. «Старшими братьями» были и те люди, что играючи выкрали британского короля Георга прямо из-под носа германской агентуры и благополучно доставили его в Россию. Команды кораблей под Андреевским флагом, которые год и три месяца назад внезапно объявились в Черном море, тоже все поголовно состоят из «Старших братьев» низшего ранга...

– Я вас понял, монсеньор Мальоне, – кивнул Папа; легкая тень проскользнула по его лицу. – А теперь, если «Старшие братья» русских и в самом деле существуют, давайте мне их послание. – Он протянул к кардиналу раскрытую ладонь.

– Разумеется, ваше Святейшество, – ответил то, подавая большой белый конверт, извлеченный из кожаного бьюара, – впрочем, если вы пожелаете, то брат Феликс из ордена иезуитов, выполнявший в Москве ваше поручение, находится тут поблизости, в приемной, и в любой момент готов дать пояснения.

– Позже, монсеньор Мальоне, позже, – отмахнулся Папа, разворачивая письмо и приступая к чтению.

Все время, пока Пий Двенадцатый, шевеля губами, читал послание тех, что по воле Господа пришли в этот мир извне, в комнате стояла гнетущая тишина. Слышен был лишь треск огня в камине да отдаленное завывание ветра за стенами Апостольского дворца. Закончив чтение, Папа аккуратно сложил послание. На лице его по-прежнему не было заметно никаких оттенков эмоций, лишь черты его как будто стали резче и грубее. Затем он погрузился в молитву, испрашивая совета у Вышних сил... Но Небеса молчали. Единственный совет, который Папа услышал после своей жаркой молитвы, звучал как «Поступай по совести». Его Святейшество – наверное, впервые в жизни – был растерян. Он испытывал ужасный раздрой в сознании. Ведь до самого последнего времени Пий Двенадцатый считал большевиков и евреев даже большими врагами Римской Католической Церкви, чем нацистов. Именно поэтому он, даже не поддерживая Гитлера, закрывал глаза на деятельность нацистов. Когда в Германии жгли книги, отправляли в концлагеря евреев, коммунистов и социал-демократов, Римская католическая церковь молчала. Молчала она и тогда, когда по улицам немецких городов, напоминая о темных языческих временах, с гулким топотом маршировали в факельных шествиях штурмовики и члены СС, а маленький человечек со смешными усиками изрыгал с высоких трибун речи, полные ненависти ко всем, кого официальная нацистская идеология не причисляла к стопроцентным арийцам. Осознание всего содеянного и тревога за будущее пришли к Папе только тогда, когда Гитлер запретил христианство и провозгласил в Германии культ Сатаны. Но со стороны понтифика это было уже размахивание кулаками после драки, отчаянное и бессмысленное.

И что Папе Пию Двенадцатому делать теперь, когда в мире, уже готовом впасть в тысячелетний мрак инферно, во всем сиянии своего величия объявляются

посланники Высших сил, в борьбе с Гитлером и Сатаной (что одно и то же) сразу и безоговорочно вставшие на сторону большевистской России? И ведь как только они пришли, удары Красной Армии обрели разрушительную силу, а все попытки противодействия, предпринимаемые германскими генералами, стали жалкими и беспомощными. Ведь нет никакого сомнения в том, что только воинство, получившее вдохновение свыше, способно в один момент перейти от сплошных поражений к таким же сплошным победам, следующим одна за другой.

Трубы славы дудят в уши большевистским генералам, когда они без устали и днем и ночью рубят исполинского германского дракона своими длинными мечами. И тот отступает перед их натиском, истекая кровью и выбиваясь из сил. Пройдет еще совсем немного времени – и эта тварь издохнет прямо в своем логове, и трубы славы возгласят величайшую победу в истории человечества, ибо даже Наполеон, Аттила или Аларих не несли миру такого кошмара, как Гитлер. И только ему, Римскому Папе Пию Двенадцатому, решать: будут в числе победителей римско-католическая церковь и он лично или же они станут жертвами, или даже пособниками Врага – а потому будут забыты и даже прокляты, как был проклят Иуда Искариот, предавший Христа из-за тридцати сребреников...

В послании пришельцев из будущего и одновременно Божьих посланцев прямо говорилось, что Римской Католической Церкви и советской власти нечего делить... кроме власти над людьми. Но тут все сказал еще сам Христос, распорядившийся отдавать Богу богово, а Кесарю кесарево. А власть – она именно кесарева, и цепляться за нее Церкви – величайший грех. Ведь все ужасные жестокости и невероятные подлости, которые раньше совершали его предшественники, были вызваны спорами из-за власти. Сколько было пролито крови и погублено душ, а все бесполезно. Высшая власть раз за разом ускользала из рук предыдущих римских Пап... Ускользнет она и от него, Пия Двенадцатого – потому что, когда закончится война, вся Европа от Лиссабона до Уральских гор окажется покрытой красными знаменами большевизма, и Итальянский полуостров с Ватиканом не будет исключением. Но, с другой стороны, как справедливо сказано в послании «старших братьев», алый цвет знамен армии русских большевиков – это цвет не только международного коммунизма, но и боевых штандартов римских легионов. Русские не зря с самого момента образования своего государства зовут его Третьим Римом, как бы подчеркивая происхождение своего Московского царства от павшей в прах Византийской империи. Король умер, да здравствует король! Москва есть Третий Рим, и история, совершив круг, снова, подобно змее, кусающей себя за хвост, возвращает власть в Европе к своему первоисточнику. Чтобы выжить в таких

условиях, Римской Католической Церкви придется искать способ сосуществования с увеличившейся до невероятных размеров большевистской Империей русских. Это даже не конкордат с обычным европейским государством, а нечто большее...

Последний раз подобное соглашение Святым Престолом заключалось в 1801 году с захватившей всю Европу Империей[2 - Конкордат Наполеона - соглашение между папой Пием VII и Французской республикой в лице Первого консула, заключённое 26 мессидора IX года (15 июля 1801 года), по которому католицизм был объявлен религией большинства французов. При этом свобода вероисповедания сохранялась, священнослужители назначались и оплачивались государством (предварительно дав клятву верности), а церковь отказывалась от притязаний на возвращение своих земель, конфискованных во время революции.] Наполеона Бонапарта. Тогда Папа Пий Седьмой смог найти в себе силы и мудрость примирить Римскую Католическую церковь с самым сильным хищником Европы; и вот теперь, он, Папа Пий Двенадцатый, должен обеспечить выживание Святой Матери Церкви даже в том случае, если все ее канонические территории в Старом Свете сумеют захватить русские большевики. Впрочем, предложенный господином Сталиным конкордат дает к этому большую возможность. Если Римская Католическая Церковь будет лояльна к советской власти, то и советская власть будет лояльна к церкви, ее белому и черному духовенству, а также собственности, необходимой ей для успешного функционирования. Правда, Папе было бы предпочтительней, чтобы подобный всеобщий конкордат был заключен не с большевистским, а с североамериканским государством, но этот путь был уже закрыт и даже, больше того, как следовало из письма «Старших братьев», он мог оказаться неприемлем для самой католической церкви. В письме «Старших братьев» было особо указано, что подробности североамериканского вопроса Папе изложит упомянутый кардиналом брат ордена иезуитов Феликс, вернувшийся из Москвы – безусловно, он видел многое из того, что непозволительно простым смертным.

Итак, прервав свои размышления, Папа поднял голову и, обратив свой взгляд на Государственного секретаря Ватикана, негромко произнес:

– Монсеньор Мальоне, попросите пройти сюда брата Феликса, мне нужно задать этому достойному служителю церкви несколько важных вопросов.

В ответ кардинал позвонил в колокольчик – и после этого в комнату вошел обычный католический священник неопределенного возраста (от тридцати до

сорока) и среднего телосложения. Не откормленный толстяк, но и не иссушенный постами аскет; человек скорее жилистый, чем мускулистый. Ничего общего с классическим обликом рыцаря плаща и кинжала. Встретишь такого на улице – и уже через тридцать секунд забудешь о его существовании. Это и был тот самый брат Феликс; увидев перед собой главу Римско-католической Церкви, он смиренно склонил голову, показав тщательно выбритую тонзуру.

– Добрый вечер, Ваше Святейшество, – произнес вошедший, – рад служить нашей Святой Матери Церкви...

– Мы все рады ей служить, каждый на своем месте, брат Феликс, – ответил Папа, – у одних это получается лучше, у других хуже, но никто не может сказать, что мы не старались. В настоящий момент вы нужны мне как свидетель и очевидец по одному важному делу. Но будьте осторожны: на основании ваших слов, возможно, будут приниматься судьбоносные решения, влияющие на дальнейшее существование Святого Престола. Воплотивший в Гитлера Сатана бродит по Европе аки рыкающий лев, и если он обратит на нас внимание до того, как в его существовании будет поставлена точка, то Римской Католической Церкви несдобровать... Я хочу спросить вас как человека, который только что вернулся из Москвы. Ведь там вы встречались не только с большевистскими чиновниками, ответственными за взаимодействие советского государства с различными церквями, но еще и с людьми, которых можно счесть главным фактором современной политики. Еще их называют «старшими братьями» русских и «пришельцами из будущего».

– Да, Ваше Святейшество, – подтвердил брат Феликс, – я встречался с тремя такими людьми. В Москве я имел беседу с главным советником господина Сталина госпожой Антоновой. В Константинополе, на обратном пути, пересаживаясь с самолета на самолет, мне удалось побеседовать с большевистским Наместником зоны Проливов господином Османовым. А уже поблизости от дома, перед самым возвращением в Италию, я оказался на русском авианосце, где «старшие братья» русских буквально кишат – как муравьи в своем муравейнике. Там, в самом эпицентре того, чего не может быть в нашем мире, со мной разговаривал морской лорд «старших братьев» адмирал Ларионов. Хотя он ни словом не обмолвился о сроках проведения операции, я предполагаю, что, едва на Адриатике установится приемлемая погода, как вся мощь большевистского флота, собранная в порту Бар, обрушится на Адриатическое побережье Италии... У них там все готово; и аэродром, на котором приземлился мой самолет, был битком забит истребителями и

бомбардировщиками...

– Это нам понятно, брат Феликс, – кивнул Папа, – но мы пока не знаем главного: можно верить людям, которые утверждают, что их послал сюда сам Господь, или на самом деле они ничуть не лучше сатаниста Гитлера?

– Ваше Святейшество, – ответил иезуит с каким-то вдохновенным жаром, – с кем бы из них я ни говорил – был ли это старший командир, или простой матрос – все они кажутся мне людьми, опаленными каким-то ужасным огнем. Но должен заметить, что тот огонь не сжег их души, а только придал им твердость закаленной стали. У Отца Лжи[3 - Отец Лжи – еще одно иносказательное прозвище Сатаны.] нет более непримиримых врагов, чем «Старшие братья» русских; и когда они говорят вам, что белое – это белое, а черное – это черное, вы вполне можете верить их словам.

– Очень хорошо, сын мой, – кивнул Папа, продолжая перебирать четки, – теперь скажи, не проявляли ли эти «старшие братья», подобно остальным большевикам, какой-то особой враждебности к христианству, а особенно к нашей Святой Матери Римской Католической Церкви?

– Нет, Ваше Святейшество, – с уверенностью ответил брат Феликс, – особой враждебности в отношении христианства я у пришельцев из будущего не заметил. Даже господин Османов, который по происхождению является правоверным магометанином – и тот высказывался о нашей Святой Матери Церкви весьма уважительно, напоследок сказав, что кровавые разногласия между людьми, верящими во Всевышнего, идут на пользу только его главному оппоненту Сатане. По этой причине большевики крайне не одобряют любые действия или призывы, которые ведут к межрелигиозной вражде. Виновных в подобных деяниях они сразу объявляют пособниками Гитлера и отправляют на каторжные работы, с которых те уже не возвращаются. И лишь секты – либо отколовшиеся от апостольских церквей, либо самопроизвольно возникшие вокруг разного рода юродивых, самозванно объявивших себя пророками – справедливо вызывают у властей Советской России желание прекратить их недостойное существование, истребив верхушку и перевоспитав трудом рядовых сектантов. Пришельцы из будущего говорят, что именно через секты Враг Рода Человеческого пытается расшатывать общество, размывая моральные устои и внося в него смуту и разлад.

– И это верное мнение, сын мой, – кивнул Папа, – но скажи, в каком тоне эти «старшие братья» говорили об Америке? Считают ли они ее дружественным государством? или же по завершении этой войны у нас будет следующая – для того, чтобы окончательно определить, кому господствовать над миром, а кому пасть в прах? Ведь Америка, как и Россия, считает себя наследницей Римской империи, а двум Римам, как говорится, на одной Земле не бывать.

– Такое уже бывало, Ваше Святейшество, – хмыкнул иезуит, – правда, очень недолго. Не прошло и ста лет, как Западный Рим пал и на его территории размножилось множество варварских королевств. Восточный Рим после смерти своего западного брата выстоял еще тысячу лет, и это вполне достаточно для любого государства. При этом надо отметить, что Америка апеллирует к Римской республике языческих времен, а Россия – к христианской и единой Византийской империи, с которой она берет образец для подражания. Отсюда и разница в подходах. У русских есть прочный стержень, который можно согнуть, но нельзя сломать, и который распрямляется тотчас, как исчезает давление. В Америке же царит какофония различных мнений, которая лишает общество твердой нравственной основы. Ну разве стали бы уверенные в себе люди помещать на свои деньги дьявольские масонские символы и писать на тех же деньгах «Мы верим в Бога», как будто истинному христианину требуется каждый раз об этом себе напоминать. Сейчас Америка вполне безопасное и дружелюбное государство, но если дела там пойдут неправильным образом, то сначала, как бунт против пуританской аскетичности, там возникнет культ половой распущенности и разврата, именуемый сексуальной революцией, а потом из всего этого разовьется такая мерзость, что нам трудно даже и представить. Америку в будущем поразил тот же Сатана, что и нынешнюю Германию. Только в нынешней Германии Князь Тьмы принял образ яростного кровожадного льва, сжирающего своих жертв без остатка, а в Америке будущего он надевает личину то хитрого и двуличного лиса, то многомудрого и ядовитого змея, иссушающего души и оставляющего от людей пустые оболочки. Нет, Ваше Святейшество... если вы хотите знать мое мнение, то союз с Америкой – это такой же союз с Сатаной, как и союз с Гитлером.

Закончив говорить, брат Феликс умолк, и в комнате повисла тягостная тишина.

– Я вас услышал, сын мой, – мягко сказал Пий Двенадцатый, не глядя на собеседников, – ступайте. И вы ступайте, монсеньор Мальоне. Мне надо подумать. Свое решение по обсуждавшемуся сегодня вопросу я сообщу вам сразу, как только закончится бушующая сейчас за окном буря. И, когда будете

уходить, позовите мне сестру[4 - Сестра Паскалина, она же Паскалина Ленерт – экономка и доверенное лицо Папы Пия XII в течение 41 года, с 1917 года (когда ей было 23 года) и вплоть до его смерти в 1958 году.] Паскалину. Скажите, что она мне очень нужна.

5 апреля 1943 года, Полдень. Италия, Апулия, город Бари. Советский плацдарм.

Командир гвардейской, ордена Ленина, штурмовой бригады морской пехоты ОСНАЗ Гвардии полковник Василий Филиппович Маргелов.

Не, так мы не договаривались... Но обо всем по порядку. Итак. Вчера вечером корабли нашего флота покинули порт Бари, чтобы к сегодняшнему утру быть на позициях в районах предстоящей высадки десантов (линкоры, крейсера и БДК передвигаются намного медленнее водолетов (СВП), а посему выходят в поход заблаговременно). А уже пару часов спустя в Риме произошел государственный переворот. Король Виктор Эммануил Третий, который раньше как бы поддерживал фашистскую диктатуру, на ночь глядя неожиданно вызвал к себе Муссолини и после короткой беседы отправил фашистского диктатора в отставку с поста премьер-министра и взял под арест. При этом, если верить местным итальянским слухам, при расставании король сказал свергнутому дуче, что он не желает очутиться на месте шведского короля Густава Пятого и что ему больше нравятся те роли, которые в своих странах сыграли болгарский царь Борис и румынский король Михай...

Но, как говорят наши друзья из будущего, факир был пьян и фокус не удался. Во-первых – так как в руководстве переворота были сильны умеренные фашисты, новым премьер-министром был тут же назначен «герой» покорения Абиссинии маршал Бадольо. Тот, недолго думая, первым делом объявил Италию нейтральным государством (будто это заявление могло отменить состояние войны, которое имело место между Италией и СССР). Во-вторых – неожиданно свое слово сказал итальянский народ. За два часа до полуночи диктор Джамбаттисто Ариста (который, вроде нашего Левитана, зачитывал только важную информацию) объявил по государственному итальянскому радио об отставке и аресте Муссолини. Услышав эту новость, Италия вдруг вскипела, как кастрюлька молока, забытая на огне нерадивой хозяйкой.

Вышедшие на контакт с нашим десантом местные итальянские товарищи рассказали, что, узнав эту сногшибательную новость, народ в Риме и других городах вышел на улицы с криками: «Вставайте, граждане! Они арестовали Муссолини! Смерть Муссолини, долой фашизм!». Повсюду среди ночи зажигались окна, народ пел, плясал и отчаянно жестикулировал, радуясь неожиданной новости. Люди, молчавшие целых двадцать лет, пока у власти был этот толстомордый вампир, вдруг заговорили, торопясь высказать все, что накопилось на душе. Правда, разговорами дело не ограничилось. Демонстранты срывали со зданий символику фашистской партии, а всех встречных силой заставляли пить вино за здоровье короля и маршала Бадольо. Ну чисто наш семнадцатый год после отречения царя Николашки, с поправкой на горячий итальянский темперамент...

Естественно, власть имущим хотелось, чтобы народ просто принял переворот «к сведению»; массовые волнения никоим образом не входили в планы нового правительства. Поэтому карабинеры принялись разгонять народные толпы, прозвучали выстрелы и пролилась кровь. В ответ коммунисты призвали народ к активному сопротивлению прогнившему фашистско-королевскому режиму, тем более что помощь близка. И, как ни странно, коммунистов поддержали католические священники, которые стали зачитывать с амвонов церковью новую энциклику Папы Римского Пия Двенадцатого, призывающего на борьбу с Сатаной и его пособниками (в данном случае в этой роли оказались нынешние итальянские власти, еще недавно поддерживавшие фашизм и гитлеризм).

А Папа Римский для итальянцев авторитет серьезный. Наш бригадный комиссар, старший политрук Васильев, которому следует знать такие вещи по должности, говорит, что прежде фашистский режим Муссолини держался только и исключительно на поддержке Римских Пап, которые были махровыми антикоммунистами. А как же иначе – ведь большевики в случае прихода к власти грозились отобрать у католической церкви все владения и богатства, которые она накопила за две тысячи лет своего существования, опутав своими тенетами половину мира. Естественно, ни нынешний Папа, ни его предшественник не желали ничего отдавать, и тем более – ликвидировать свою церковь как организацию. И никто бы на их месте не пожелал. Таких полудурков, как те, что составляли так называемое Временное Правительство, на ходу разбиравшее случайно доставшуюся им страну, наверное, надо еще поискать, а потому любое правительство угнетателей будет сопротивляться победе большевизма со всей возможной яростью. Но в последнее время отношение к религии у нас в Советском Союзе стало изменяться в сторону смягчения, а самые ярые борцы с религией и богоненавистники вдруг по совместительству оказались еще и

самыми кондовыми троцкистами. Еще в ходе подготовки к этой операции до нас довели, что католическая церковь нам больше не враг, и с монахами и священниками следует обращаться уважительно, с соблюдением этикета. Тогда мы подумали, что, скорее всего, товарищ Сталин нашел подход к Римскому Папе, из-за чего нам теперь придется расшаркиваться перед итальянскими попами. А оно вот как вышло – попы эти теперь наши союзники и сильнейшее секретное оружие.

После того как Папа сказал свое веское слово, в Италии почва под ногами стала расползаться жидким киселем не только у немцев и немногочисленных сторонников Муссолини, но и у короля с маршалом Бадольо, тем более что в этом уравнении присутствовала еще и наша переменная. Когда сегодня на рассвете итальянское командование попыталось вступить в переговоры с адмиралом Ларионовым, требуя отменить десантные операции в Бари и Бриндизи (апеллируя к тому, что Италия теперь нейтральная страна), ответ командующего Черноморским флотом можно было выбивать бронзой по граниту. «У меня есть приказ командование на проведение операции, – сказал он, – а значит, высадка состоится при любых условиях. Мне будет наплевать, даже если вы прямо сейчас признаете свое поражение и объявите о безоговорочной капитуляции. Впрочем, если хотите быть нейтральными, то не провоцируйте наши высаживающиеся войска на открытие огня – и все останутся живы. Могу вам обещать, что мы не будем атаковать те итальянские части, которые не окажут нам никакого сопротивления. Мы воюем не Италией и ее народом, а с Гитлером и его пособником Муссолини».

В результате артподготовку при высадке отменили, и мы десантировались в город Бари прямо на водолетах, при полном параде. А уж сбежавшиеся поглазеть на это зрелище итальянские зеваки явно не располагали к ведению боевых действий. И ведь точно: в нашу сторону не выстрелила не то что ни одна береговая батарея – в городе даже не нашлось нескольких отморозков с винтовками, которые могли бы обстрелять высаживающийся десант... Очевидно, итальянская военщина вполне серьезно восприняла предупреждение адмирала Ларионова и не желала обрушить на свою голову неприятности летального характера. А может быть, все дело в том, что после того как на итальянскую землю ступил сапог советского солдата, тут, в Бари, уже никто и никак не выполнял приказов, поступающих от королевского правительства маршала Бадольо. На русско-итальянском жаргоне такое явление описывается словом «пофигизмо». Рим может отдать хоть тысячу приказов, но на местах не выполняют ни один.

Впрочем, встреча нашего десанта быстро переросла в импровизированный итальянский народный праздник – карнавал. По первому ощущению, это помесь первомайской демонстрации с цирковым театрализованным представлением. Сказать честно, я в таком мероприятии участвовал впервые. В толпе окружившего нас народа откуда-то появились красные флаги; люди пели, плясали и веселились от всей души: ведь вздумай Гитлер ввести в Италию свои войска, чтобы бросать итальянцев на жертвенные алтари – и итальянская армия ничем не сможет ему помешать. Люди, стихийно вышедшие на улицы, понимают, что высадившаяся в Италии Красная Армия – их единственная защита от наползающего с севера, со стороны Германии, ужаса людоедского сатанизма. Итальянская армия не продержится против озверевших эсесовцев и нескольких часов, а победоносные и закаленные в боях советские войска являются гарантией того, что вражеское нашествие будет отбито, а население Италии спасено. Поэтому повсюду в народе слышны выкрики «Viva Stalin, viva la gloriosa Armata Rossa, viva la grande Russia Sovietica». Мои парни – в ладной опрятной десантной форме нового образца, мускулистые, подтянутые и белозубые, при этом увешанные орудиями ратного труда – пользуются у знойных итальянок бешеной популярностью. Тут, если девушка кричит вам: «Кобелино!» – это значит не то, что можно подумать, а всего лишь комплимент: «Какой красавчик!».

Впрочем, как выяснилось, не везде было так благостно, как здесь. В Риме, где власть еще удерживало монархо-фашистское правительство маршала Бадольо, народное ликование по поводу вступления в Италию советских войск обернулось кровопролитным расстрелом демонстрантов. Подчиняющиеся правительству карабинеры и верные Муссолини чернорубашечники винтовочными залпами пытались удержать ускользающую от них власть. Приказ, полученный мной от генерала Чуйкова, был прост и однозначен. Произвести заправку топливом на находящемся вблизи города аэродроме Палезе – и, не мешкая ни минуты, форсированным маршем выступить в направлении на Рим. Вопрос власти в Италии следует решать прямо в его эпицентре – и как можно скорее, пока местная буржуазно-помещичья камарилья не опомнилась и окончательно не подавила рабочие выступления. Четыреста пятьдесят километров по дорогам – это две недели наступления для стрелковых дивизий, десять дней марша кавалерийского соединения, двое суток для механизированного ОСНАЗа и без малого четыре часа для наших водолетов. Для правильной ориентировки на местности к нашей бригаде прикомандировали двоих. Падре Еугенио от католической церкви и товарищ Мария от коммунистов-гарибальдийцев. Причем товарищ Мария смотрела на священника как кошка на собаку, и тот отвечал ей такой же пылкой итальянской взаимностью. Единственным фактором,

удерживающим их от самого безобразного скандала, было нежелание опозориться перед руссо-советико и тем самым не выполнить приказы своего начальства.

Следом за нами на Рим двинутся и остальные части Балтийского десантного корпуса ОСНАЗ и уже приступившая к разгрузке с пароходов конно-механизированная армия товарища Буденного. Вперед и только вперед, потому что время не ждет.

05 апреля 1943 года. Вечер. Рим.

В течение дня обстановка в Вечном городе постепенно накалялась. Если утром народ выражал свое отношение к происходящему вполне мирно, с некоторыми элементами карнавала, а представители властей, дезориентированные переворотом, просто не знали, что им делать, то уже к полудню все необходимые приказы были отданы – и после этого карабинеры, полиция и примкнувшие к ним чернорубашечники приступили к подавлению народных гуляний. Прогремели выстрелы, пролилась кровь, появились первые убитые и раненые... и эхом этих выстрелов прозвучали взорвавшие эфир многоголосые пiski морзянки. При этом один из передатчиков работал прямо из Апостольского дворца. Брат Феликс, стуча ключом, гнал в эфир группы цифр, которые на том конце, у принимающего абонента, после расшифровки складывались в слова: «Москва, Кремль, товарищу Иванову. В Городе[5 - Для римлян Городом (с большой буквы) является только Рим.] стихийное восстание против правительства фашистов. Срочно просим помощи...».

Товарищ Иванов (он же лучший друг советских физкультурников, он же Верховный Главнокомандующий, он же дядя Джо, он же товарищ Коба, он же Иосиф Джугашвили, он же товарищ Сталин) отдал командующим Четвертого Украинского фронта, Черноморского Флота и Третьего авиакорпуса ОСНАЗ такие серьезные распоряжения, что те сразу развили чрезвычайно бурную деятельность. К примеру, высотный разведчик-корректировщик, так называемый «дирижер войны», в прояснившемся небе над Римом появился уже около двух часов пополудни. Ветераны Восточного фронта, чудом выжившие во время прошлогодней летней мясорубки, сразу же сказали своим приятелям: «Ого, старый знакомый! Сейчас что-то будет...», – и, в зависимости от стороны на которой они участвовали в уличных событиях, старались либо потеряться куда подальше, либо занимали удобные места для наблюдения за предстоящими

событиями.

Не так уж эти люди были и неправы. К тому моменту, когда «дирижер» начал на недосягаемой высоте нарезать круги над Римом, десантная бригада полковника Маргелова на скорости в сто двадцать километров в час уже полчаса мчалась на север по итальянским шоссе[6 - В наше время шоссе E55-E842-E821], обдавая выстроившихся вдоль дороги итальянцев пылью и бензиновым перегаром, оглушая их ревом мощных авиационных моторов. Впечатлений у почтеннейшей публики, состоявшей из людей самых разных классов и сословий, было выше крыши. На такой скорости в эти времена не ездят даже спортивные автомобили (родиной которых, кстати, и является Италия). И это был только авангард десантного корпуса генерала Чуйкова. С небольшим разрывом (где-то полчаса) после бригады Маргелова на шоссе показались мчащиеся на такой же бешеной скорости водолеты следующей штурмовой бригады. Тяжелые танкодесантные СВП, перевозящие технику и личный состав гаубичной, противотанковой и зенитной артбригад двигались в арьергарде корпуса. Когда эти огромные, занимающие сразу две дорожных полосы, машины приближались к выстроившимся вдоль дороги людям, почтеннейшей публике от тяжелого низкого inferнального гула хотелось развернуться и бежать - чем дальше, тем быстрее; однако любопытство, как это обычно бывает, оказывалось сильнее страха.

До прибытия советских десантников в Вечный Город оставалось чуть больше четырех часов, с учетом предполагаемой дозаправки на аэродроме Чампино, в окрестностях Рима, куда после захвата его маргеловцами должна была начаться переброска посадочным способом стрелковых частей и аэродромных подразделений авиакорпуса ОСНАЗ Худякова. В дальнейшем, по мере развития ситуации, этот аэродром предполагалось сделать итальянским концом воздушного моста, по другую сторону которого находились контролируемые советскими ВВС югославские аэродромы Подгорицы, Тиваса и Дубровника. Расстояние от этих аэродромов до Рима в среднем составляет пятьсот километров. Для ленд-лизингового транспортника ДС-3 (он же советский лицензионный Ли-2), самого массового транспортного самолета в авиачастях СССР, время в пути - один час сорок пять минут в одну сторону, с учетом разгрузки-погрузки - четыре часа туда-обратно. Два рейса без дозаправки за восемь часов, потом два часа на заправку, осмотр техники и техобслуживание (иначе торопливость может выйти боком). Итого, с учетом наличия двух сменных экипажей на один самолет, транспортный авиаполк из двадцати машин способен перебросить в сутки около двухсот тонн грузов или двух тысяч человек личного состава. Всего три полка транспортной авиадивизии,

прикомандированной к авиакорпусу Худякова, действующему на итальянском направлении, за сутки доставят к Риму шестьсот тонн грузов или стрелковую бригаду РККА полного состава. На переброску воздухом стрелковой дивизии без тяжелого вооружения понадобится двое суток, а с вооружением (вплоть до 122 мм гаубиц М-30) – уже три-четыре дня. Впрочем, до воздушного моста дело еще не дошло. Пока это были только предварительные расчеты, строящиеся на том, что все это время на маршруте будет стоять идеальная погода, при взлетах-посадках не случится каких-либо неприятных неожиданностей, а итальянские ВВС не окажут наведению воздушного моста никакого сопротивления.

Пока бригада Маргелова пожирала по шоссе километр за километром, в Риме события шли своим чередом. Часть солдат и офицеров гарнизона присоединилась к швейцарским гвардейцам, приготовившимся оборонять Ватикан, и к возглавляемому коммунистами народу на улицах, другая часть того, что еще вчера было итальянской армией, встала на сторону карабинеров и чернорубашечников, намеренных подавить очаги сопротивления, третьи объявили себя «нейтральными» и самодемобилизовались. Вечный Город превратился в арену скоротечных уличных стычек, в которых, как самые хорошо вооруженные, многочисленные и дисциплинированные, до поры до времени побеждали сторонники королевско-фашистской хунты. Конечно, простых людей на улицах было гораздо больше, чем карабинеров и чернорубашечников, да только большинство из них в качестве единственного средства для ведения боя использовало классическое оружие пролетариата – булыжник, что против винтовок и тем более пулеметов котировалось не очень. Поэтому возглавившие сопротивление коммунисты-гарibaldiйцы выбрали тактику «удар-отскок», стараясь наносить врагу потери и сразу уходить – раньше, чем тот нанесет ответный удар.

Единственным оплотом, который пока держался в полном окружении и отбивал все наскоки, был комплекс зданий вокруг площади Святого Петра, обороняемый швейцарскими гвардейцами и отчасти итальянскими солдатами. Именно оттуда работала радиостанция, призывающая всех честных католиков к сопротивлению и неповиновению проклятым Богом фашистским режимам. Но рано или поздно все на этом свете кончается; и сопротивление последнего очага неповиновения правительству Бадольо неизбежно должно было угаснуть; но прежде чем это произошло, около шести часов вечера на южных окраинах Рима послышался заунывный утробный вой сотен авиамооторов и спорадическая пулеметная стрельба – злая и веселая. Так, короткими очередями, лупят те, кто знает, в кого и за что они стреляют, и при этом чувствуют себя правыми и неуязвимыми.

Теперь уже сторонники короля, маршала Бадольо и чернорубашечники ощутили себя слабыми и обиженными. Первоначально едва слышимая в Апостольском дворце, стрельба быстро приближалась – и вот уже Папа Пий, стоящий на балконе Апостольского дворца, видит, как по мостам через Тибр к Ватикану движутся колонны странных парящих машин, битком забитых солдатами в чужой форме, и как от них во все стороны разбегаются чернорубашечники и карабинеры в своих пышных мундирах. Некоторые из убегающих фигурок спотыкаются и падают, падаю, падают, потому что вслед им со странных машин короткими очередями бьют пулеметы. Одновременно в окрестностях Квиринальского дворца (резиденция короля) вспыхнула ожесточенная, но крайне короткая перестрелка, завершившаяся несколькими сильными взрывами. Бои в Вечном Городе продолжались, но все было уже предрешено. Королевско-фашистский режим пал, и его полная капитуляция была теперь лишь вопросом времени.

Тогда же, Рим, Ватикан, площадь Святого Петра.

Командир гвардейской, ордена Ленина, штурмовой бригады морской пехоты ОСНАЗ Гвардии полковник Василий Филиппович Маргелов.

Сражение за Рим было стремительным и скоротечным, отличаясь только отдельными вспышками ожесточения. Более-менее серьезный бой завязался только за королевский дворец, но там сопротивление удалось быстро подавить при помощи реактивных гранат объемного взрыва. Страшная, скажу я вам, штука: от нее не спасают никакие бетонные и каменные стены. Здание вроде бы целенькое, а внутри все в труху и человеческий фарш на стенах. Как доложил майор Авдеев, командир батальона штурмовавшего королевский дворец – и король и маршал Бадольо попали под его тяжелую руку и прекратили свое брренное существование. А нечего было стрелять из пулеметов по нашим солдатам, они от этого становятся очень нервными и начинают беспощадно палить в ответ на малейшее шевеление. Ну да хрен с ним, с этим королем; кто ему доктор, если сам дурак. Перешел бы чин чином на сторону Красной армии – так не только остался бы жив, но еще и орден какой-нибудь заработал бы, как его коллеги из Болгарии и Румынии.

А вот Муссолини мои бойцы по наводке падре Еугенио взяли целым и невредимым, с рук на руки приняв его у караула итальянских солдат. Выглядел

этот тип, мягко выражаясь, неважно: морда красная, глаза выкаченные, изо рта пена как у бешеного бульдога. Сейчас как хватит его гражданин Кондрат – и все, передавай привет Сатане в аду. Сейчас, когда сопротивление монархо-фашистского режима сломлено, пышно одетые карабинеры с чернорубашечниками разбегаются от наших бойцов кто куда, а воспрянувший народ ловит их на улицах по одному и бьет смертным боем. Те, что еще вчера своим видом вызывали в людях только страх и желание перейти на другую сторону улицы, сегодня не возбуждают к себе ничего, кроме яростного желания втоптать их в землю и бить до тех пор, пока мятая груда тряпья не перестанет шевелиться. Мы в это дело почти не вмешиваемся. Во-первых – у нас нет лишних людей, чтобы содержать пленных, во-вторых – то, как итальянцы будут расправляться с врагами своего народа, это их личное дело. От этого Италия станет только чище. Всем прочим займутся войска НКВД, когда доберутся до Рима. Только – убедительная просьба, переведенная для меня на итальянский товарищем Марией, которая мало-мало лопотала по-русски: соблюдать чистоту и не бросать мусор на улицах.

И вот мы в Ватикане, на площади Святого Петра. Однако, историческое место. Мог ли я знать, полтора года назад первый раз вступая в бой под Ленинградом, что извилистые пути войны однажды приведут меня в Рим – такой далекий, что оттуда, из СССР, он кажется только сказкой. Ну ладно, где наша не пропадала. Войне далеко еще не конец, и она еще может привести нас и в Париж, и в Лондон, и в Мадрид. Кто его знает...

Водолеты остановились, и мои солдаты стали ловко соскакивать с них на древние камни мостовой, разминая ноги. Совсем недавно тут кипел бой: по площади разбросаны тела чернорубашечников и карабинеров, убитых и раненых в то время, когда они пытались атаковать папский дворец. Как сказала товарищ Мария, его защитники, швейцарская гвардия, вместо пышных церемониальных нарядов сейчас одеты в темно-синюю повседневную форму. Они еще не верят, что все кончилось и что люди, только что превосходящей толпой атаковавшие их позиции, при нашем появлении разбежались во все стороны будто стая перепуганных крыс.

На ступенях папского дворца обозначилось какое-то шевеление. Гляди-ка, ведь точно – идут прямо к нам. В середине сухонький такой мужичонка в очках, весь в белом с золотом, а вокруг него – спутники в черных сутанах с красными поясами и красными шапочками. Это что же – навстречу нам, советским осназовцам-десантникам, вышел сам Папа со всем конклавом?! Да обалдеть не встать!

Процессия приблизилась к нам вплотную, и сопровождавший нас падре Еугенио опустил на колени. Но я, товарищ Мария, а также мои бойцы остались стоять на ногах, ибо нам, коммунистам, неуместно вставать на колени хоть перед кем, даже перед Папой Римским, который считает себя чуть ли не наместником Бога на земле. Подойдя к нам совсем близко, Папа положил руку на голову падре Еугенио, как бы благословив его за труды, а потом посмотрел на нас: таких красивых, неколенопреклонённых и суровых, стоящих перед ним в полном боевом снаряжении. Мария быстро произнесла фразу по-итальянски, в которой я опознал только свою фамилию, Папа кивнул и поднял руки, перекрестив нас всех в воздухе, и что-то длинно и цветисто сказал в ответ.

– Он говорит, – шепнула Мария, – что благодарит тебя и твоих людей за спасение от Врага Всего Человечества. Теперь он думать лучше о коммунист, чем это быть раньше.

Договорив, Папа еще раз поднял руку в благословляющем жесте, а потом медленно пошел мимо моих бойцов, на ходу вглядываясь в их лица. Не знаю, что он там хотел увидеть, но лицо у него было вполне довольным.

6 апреля 1943 года, 11:15. Третий рейх, Бавария, резиденция Гитлера «Бергхоф».

Присутствуют:

Фюрер и главнокомандующий германской нации – Адольф Гитлер (Шилькгрубер);

Великий магистр и Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер;

Руководитель абвера адмирал Вильгельм Канарис;

Начальник Верховного командования Вермахта (ОКВ) – генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель;

Начальник Верховного командования Люфтваффе (ОКЛ) – генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг.

Гитлер, возбужденный как бабуин во время гона, ворвался в комнату для совещаний, где его уже ожидали подельники.

– Скажите, господа, вы знаете о событиях в Италии? – вскричал он прямо с порога, потрясая в воздухе скомканным бланком радиограммы.

– Я слышал в утреннем сообщении по радио только несколько последних слов, – меланхолично произнес Кейтель. – Вроде бы дуче подал королю прошение об отставке по состоянию здоровья. В последнее время у него стало плохо с нервами. Но пока достоверно не известно, принял король его отставку или нет.

– Это вполне достоверно, Вильгельм! – вскричал Гитлер. – Дуче ушел в отставку, а маршал Бадольо возглавил правительство. Мой друг дуче ушел в отставку, вы понимаете?! Теперь мы не можем полагаться на Италию так, как полагались на нее раньше! Мы теперь вообще не можем на нее полагаться!

– Дуче ушел в отставку по собственной инициативе, мой фюрер? – поинтересовался Кейтель.

– В том то и дело, что нет! – взвизгнул Гитлер, топнув ногой. – Видимо, это случилось по настоятельной просьбе короля, на которого, в свою очередь, давил его двор, пораженный верой в проклятого распятого еврейского бога. Да и сам король тоже, как говорят, добрый католик, а потому сделает все, что прикажет ему главный жрец еврейского бога Римский Папа.

– Мой фюрер, – спросил Кессельринг, – я не ослышался – вы сказали, что итальянское правительство возглавил маршал Бадольо?

– Да, мой добрый Альберт! – вскричал Гитлер. – Маршал Бадольо возглавил итальянское правительство, а он злейший враг Рейха и арийского бога. У нас на Сицилии расквартирована целая бомбардировочная эскадра, и теперь нам надо немедленно решить, каким путем мы сможем вернуть наших людей на материк!

– Мой фюрер, – встревожился Кейтель, – необходимо немедленно выяснить, продолжают итальянцы воевать или бросят оружие?

– Маршал Бадольо говорит, что Италия продолжит сражаться, – воскликнул Гитлер, – но я знаю, что это чистейшее предательство! Переворот, отстранивший дуче от власти, был скоординирован с русскими большевиками, ведь после того как это случилось, они высадили десанты на юге Италии. Итальянская армия деморализована предательскими действиями короля и его прихвостней, и опускает руки перед вторгшимися большевиками, не оказывая им никакого сопротивления. В крупных итальянских городах творятся беспорядки, деструктивные и пробольшеvistские элементы вышли на улицы. Они требуют суда над дуче, проклинают короля и маршала Бадольо (которые, уже, кажется, не управляют страной), вместе с тем толпы на улицах восхваляют Сталина и большевиков, а также своего Римского Папу. Нам должно быть совершенно ясно: переворот, свергнувший дуче – это чистой воды предательство Рейха! Я просто все еще жду, когда наши люди в Италии разыщут дуче и сообщат, что вышли с ним на связь. Я хочу, чтобы он был немедленно спасен и доставлен в Германию.

– Мой фюрер, – сказал Кессельринг, – если больше нет никаких сомнений, остается только отдать приказ нашим частям, находящимся в Италии, войти в Рим, арестовать и расстрелять короля, Папу, маршала Бадольо и всех, кто был замешан в измене...

– Поздно, мой добрый Альберт, – с мрачным видом ответил Гитлер, – я уже думал насчет того, чтобы отдать такой приказ, но из нашего посольства в Риме пришло сообщение, что вчера вечером в столицу Италии вступило крупное большеvistское десантное соединение, высадившееся в Бари утром того же дня. Картина напоминала случившееся при захвате большевиками Хельсинки, Стокгольма и Копенгагена... Быстрота и натиск русских – и почти никакого сопротивления со стороны итальянской армии. Римская же чернь, как доложили из нашего посольства, встретила большеvistские части с восторгом.

– Мой фюрер, – вскричал потрясенный Кейтель, – как такое могло произойти, ведь между Бари и Римом по дорогам почти четыреста пятьдесят километров?!

– Дело в том, – вкрадчиво сказал адмирал Канарис, – что русские десантные части особого назначения обычно перемещаются на особых машинах, способных с большой скоростью двигаться либо над водной поверхностью, либо над ровными участками суши – например, по мощеным дорогам. Именно так они достигают эффекта внезапности и неожиданно врываются в ничего не подозревающие города.

– Большая скорость – это сколько? – растерянно спросил Кейтель, – сорок километров в час, пятьдесят или шестьдесят?

– Достоверно известно, – ответил адмирал Канарис, – что больше ста. Быстрее этих штук способны передвигаться только самолеты...

– По счастью, – сказал Гитлер, – из Рима большевистский десант больше никуда не двинется, ведь прежде ему нужно подождать свои основные силы, которые только-только начали выгрузку в порту Бари. Поэтому от недели до двух у нас еще есть. Теперь хотелось бы знать, что вы посоветуете предпринять в отношении Италии, которая изменническим образом в разгар тяжелого сражения перебежала на сторону нашего злейшего врага?

– Мой фюрер, – сказал Кессельринг, – мы можем поднять всю имеющуюся у нас авиацию и нанести массированный бомбовый удар по итальянской столице. Если русское десантное соединение вырвалось далеко вперед от главных сил, то вряд ли в его составе присутствует сколь-нибудь серьезные силы ПВО. Разрушив этот город наряду с лачугами бедняков, превратив в руины его дворцы, храмы, мосты и памятники старины, мы отомстим итальянцам за враждебный нам переворот и в то же время не подвергнем наши воздушные силы значительному риску.

– Это замечательная идея, мой добрый Альберт! – воскликнул Гитлер и, повернувшись к Гимmlеру, спросил: – А вы что скажете, мой добрый Генрих?

– Мой фюрер, – ответил тот, – войска СС в означенные сроки вполне способны оккупировать Северную Италию. Поскольку итальянцы теперь у нас расово неполноценные (раз они совершили акт столь вопиющей измены), то, пока часть из них будет из последних сил строить оборонительные рубеж по реке По, другие пойдут на жертвенные алтари истинно арийского божества. В любом случае для создания секции духовно-мистического щита, которая прикроет наш Рейх от атаки с южного направления, необходимо производить массовые жертвоприношения самок недочеловеков. Вот только, мой фюрер, не просите меня посылать людей в Рим на спасение дуче без окончательного прояснения обстановки. Если он не погиб при захвате русскими Рима, то становится несомненным, что большевики сразу вывезли его в Москву. Я на их месте поступил бы точно так же или перерезал бы пленнику глотку, чтобы тот не доставлял мне неприятностей.

– Ладно, мой добрый Генрих, тебе я верю, – махнул рукою Гитлер. – Духовно-мистический щит, созданный жрецами СС, защитил нас от атак большевиков в Дании, Генерал-губернаторстве и Венгрии; и я верю, что в Италии тебе тоже будет сопутствовать полный успех. Вот только жаль, что идею моего доброго Альберта с арестом и расстрелом Папы, короля, маршала Бадольо и всех их прихвостней вместо нас исполнят большевики...

– Всех, кроме Папы, мой фюрер, – быстро сказал Канарис, – по нашим сведениям, он теперь – один из самых важных союзников большевиков.

– Теперь мне все понятно, – угрожающим тоном произнес Гитлер, – отныне и во веки веков мы будем считать каждого поклонника еврейского бога врагом германской нации и чистокровного арийского божества. Мой добрый Альберт, отдайте приказ командирам бомбардировочных эскадр, чтобы в первую очередь они сбрасывали бомбы на Ватикан. Я хочу, чтобы его дворцы и церкви лежали в развалинах и чтобы над их руинами поднимался мерзкий серый дым сгоревших так называемых культурных сокровищ. На этом все, господа, вы можете быть свободны. Я попрошу задержаться только моего доброго Генриха. Нам необходимо обсудить, как наилучшим образом утилизировать копошащуюся по ту сторону Альп муравьиную кучу недочеловеков-итальянцев.

06 апреля 1943 года. Вечер. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Пий XII, урожденный Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, Папа Римский.

Папа Пий XII и его верный помощник кардинал Луиджи Мальоне снова сидели в папских апартаментах напротив большого камина. Старый слуга, который разжег огонь в камине, только что ушел – и теперь достойные служители Господа наслаждались теплом от яркого пламени, жадно лижущего сухие буковые поленья.

– Ни один из тех, кого мы видели, – задумчиво произнес Папа, – не является так называемым «старшим братом» или пришельцем из будущего. Ни один, монсеньор Мальоне. И в то же время от них от всех исходит какой-то свет, какая-то эманация, которая говорит, что они уже чужды нашему миру и их функция в

глазах Господа – переделать наше бытие по неведомому пока образцу.

– А может, это всего лишь влияние коммунизма? – пожал плечами кардинал Мальоне.

– Нет, – продолжая перебирать четки, ответил Папа, – я встречал в своей жизни коммунистов и разных левых, поэтому знаю, что они не такие. Вспомните, что было в Испании, и сравните это с тем, что творится сейчас в Риме. Тогда испанские коммунисты оскверняли церкви, избивали и убивали священников, а сейчас у нас все как обычно, можно даже сказать, почти идеально. Храмы в Риме открыты, русские солдаты, которые патрулируют Город вместе с гарибальдийской милицией, подчеркнуто вежливо относятся к священникам и принуждают к тому же местных коммунистов. Нет, это не коммунисты – точнее, не обычные коммунисты. Те желают счастья всему миру, но видят путь к нему в разрушении до основания всего и вся. Новые русские коммунисты тоже хотят всеобщего счастья, но пытаются достигнуть его путем созидания и небольшого исправления мира. Не разрушения, а исправления – это очень важно. Тут явно есть благотворное влияние «старших братьев», но непонятно, насколько оно значительно. Ведь наша Святая Матерь Церковь тоже желает исправить неурядицы этого мира, просто мы не знаем, как это следует делать. И никто не знает. Предпринималось уже множество попыток привести человечество или даже отдельные страны к всеобщему счастью, свободе, равенству и братству, но каждый раз все кончалось кровавым хаосом и жестокой диктатурой, по сравнению с которой недавно свергнутый тиран был для своего народа просто добреньким дядюшкой. Недаром же говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад... Но тут нечто иное. Русские идут своим путем, стараясь не заступать за черту. Мне бы очень хотелось встретиться хоть с одним из русских старших братьев, чтобы понять, в какую сторону они ведут наш мир.

– Ваше Святейшество, – склонил голову кардинал Мальоне, – я бы предложил позвать сюда брата Феликса. В ходе выполнения своего задания в Советской России он встречался и беседовал с множеством выходцев из будущего и наверняка сможет хотя бы частично ответить на ваши вопросы.

– Возможно, вы и правы, монсеньор, – согласился Папа, – поэтому распорядитесь позвать сюда этого достойного человека, а сами давайте помолчим и в душе помолимся Господу, чтобы в ожидании не оскорблять благородную тишину ненужными словами...

Примерно полчаса спустя, там же

Перебирающий на ходу четки брат Феликс, тихо ступая, вошел в папские покои и тут же опустил голову в знак того, что он здесь не ровня никому.

– Подойди ко мне, брат, – негромко сказал Папа, – и преклони колена. Я еще не поблагодарил тебя за то, что ты вызвал к нам помощь.

Иезуит, бесшумно ступая, подошел к креслу, в котором сидел Папа, после чего, встав на одно колено, получил благословение и поцеловал папский перстень. Проделав все это с выражением величайшего почтения к главе католической церкви, брат Феликс бесшумно поднялся на ноги и застыл возле Папы, всем своим видом демонстрируя готовность до последнего вздоха служить Святой Матери Церкви.

– Русские, которых ты вызвал, – продолжил Наместник Святого Петра, – появились весьма своевременно и настолько решительно, что атаковавшие нас враг попросту разбежался. Правда, мы не ожидал, что русские будут расстреливать бегущих карабинеров в спину. Это было как-то не по-христиански...

– Ваше Святейшество, – сказал иезуит, – всем фронтовикам известно, что, уходя в отрыв от основных сил, русский ОНАЗ перестает брать пленных. Точно так же, как не брали врага в плен солдаты вошедших в прорыв германских танцergрупп. Это не жестокость, а насущная необходимость. В рейдирующих соединениях просто нет лишних солдат, чтобы охранять пленных. Конечно, русские могли бы передать пленных карабинеров и чернорубашечников местным властям (то есть партизанам-гарибальдийцам), но для них это стало бы наказанием худшим, чем смерть. Вы знаете, что народ на улицах делал с вчерашними хозяевами жизни, когда их удавалось поймать живьем? Там живые завидовали мертвым, правда, очень недолго. К тому же, надо сказать, что карабинеры и чернорубашечники незадолго до того стреляли в безоружный народ и не испытывали при этом мук совести и, даже разбегаясь, они отнюдь не пытались сдаться в плен. Убегая с поля боя, они прихватывали с собой оружие, а значит, намеревались продолжить войну против народа, только в другое время и в другом месте. Это тоже давало русским моральное право стрелять им вслед, ибо, когда враг, чьи руки по локоть в крови мирных людей, не сдается, его уничтожают.

– Понятно, – кивнул Папа, – в данном случае мы можем сказать только то, что война – жестокая вещь сама по себе, а когда на одной стороне фронта Сатана, а на другой Господь и все человечество, она становится жестокой втройне. Теперь поподробнее расскажи мне о «старших братьях» русских. Хотелось бы знать, каким путем они ведут свой народ и все человечество, и по пути ли с ними нашей Святой Матери Католической Церкви?

– По моему мнению, – сказал брат Феликс, – «старшие братья» скорее знают, чего делать НЕ надо, чем наоборот. Из бесед с их представителями и наблюдения за ситуацией я сделал вывод, что их мир крайне жесток, равнодушен и несправедлив. Господина Бережного германские генералы прозвали Крымским Мясником, но не за какие-то особые жестокости, которыми на войне никого не удивишь (тем более немцев), а за то, что он громит немецкие армии с тем же хладнокровным безразличием, с каким мясник разрубает на куски говяжью тушу. Он будто не воюет, а трудится, в поте лица равнодушно делая свое дело. Предметом его особой гордости является то, что при операциях его корпуса ни один вражеский солдат или офицер не может уйти из расставленной ловушки. (А вот уже за это после битвы под Брянском господину Бережному в вермахте дали второе прозвище – Вестник Смерти).

– Это понятно, – вздохнул перебирающий четки Папа, – но господин Бережной, как и другие военные, будет актуален только до тех пор, пока не закончится война. Нас интересует, что будет после войны, и какой внутренней и внешней политики будет придерживаться Советский Союз?

Иезуит на некоторое время задумался, и в комнате наступила тишина, в которой было слышно только потрескивание дров в камине.

– Предположительно, – наконец осторожно произнес брат Феликс, – внутренняя политика будет значительно мягче, чем до войны. Отношение к законным апостольским церквям и магометанам уже смягчилось до обычного для цивилизованных стран уровня. Такое же смягчение ожидает отношение к частной собственности. Частная собственность будет у них существовать там, где это уместно, а государственная – там, где необходимо.

– И это тоже понятно, – вздохнул Папа, – если превысить некую меру давления, то политическая катастрофа неизбежна. Нашей ли Святой Матери Церкви не знать такой простой истины? Тот, кто пожелает вывести всех еретиков в стране,

вскоре начнет искать их среди своих родных и близких...

– Большевики говорят, – сказал брат Феликс, – что революции всегда пожирают своих детей, когда те становятся ненужными.

– Вот именно, – согласился Папа, – ни к чему хорошему революции не приводят, все Савонаролы в истории кончали примерно одинаково. Умереть в своей постели имеет шанс только тот политик, который проводит разумную и взвешенную политику...

– Ваше Святейшество, – неожиданно произнес кардинал Мальоне, – но господин Ленин, хоть и был яростным революционером, умер все же в своей постели.

– Марат, монсеньор Мальоне, – хмыкнул Папа, – в отличие от своих поделельников, кончивших дни на гильотине, тоже умер в своей постели, но не думаю, что это была счастливая смерть, направляющая радостную безгрешную душу в небесные чертоги Господа. Во-первых – его смерть все же была насильственной, и ничего радостного в ней не было; во-вторых – за порогом земного бытия его не ждало ничего, кроме ада; и в-третьих – еще при жизни за все его злые дела Господь покарал этого человека мучительной и неизлечимой экземой. Можно сказать, что адские муки для него начались еще при жизни. То же самое и с господином Лениным. Еще при жизни Господь поразил его тяжелой неизлечимой болезнью, из-за которой мозг этого человека разлагался заживо, а смерть была настолько мучительной, что ее можно было счесть началом адских мук... Ну а все те, кто были с ним на революционном пьедестале среди убийц и разрушителей, тоже кончили плохо. Кто умер от пули в затылок, а кто и от удара ледорубом по черепу. Эта революция также пожрала своих детей-разрушителей, а выжили в ней только те, кто выказал способность договариваться ради совместного созидания.... – Папа вздохнул и добавил: – Впрочем, мы несколько отклонились от главной темы разговора. Брат Феликс, скажите – а каково отношение этих пришельцев из будущего к религии и нашей Святой Матери Церкви?

Иезуит на несколько секунд задумался, а затем осторожно произнес:

– Я бы не назвал их ни атеистами, ни религиозными фанатиками. Все, с кем я имел беседу, признают существование Всевышнего и необходимость соблюдать данные им заповеди, и в то же время они не готовы убивать умирать ни за

вопрос филиокве[7 - Филиокве (лат. Filioque – «и от Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «от Отца и Сына». Стало одним из поводов для разделения единой Вселенской Церкви на католическую и православную.] ни за те различия, которые разделяют христиан и магометан. Единственным предметом их фанатической страсти является российское государство, которое они считают самодостаточной ценностью, даже если оно существует в виде Советского Союза. Необходимость его усиления, укрепления и улучшения ими не обсуждается – это считается само собой разумеющимся. При этом с момента присоединения к этому государственному образованию новых территорий они также становятся предметом их заботы. Именно поэтому, планируя включить в состав объединенного Советского Государства территории с преимущественно католическим населением, они заранее озаботились составлением подходящего конкордата, обеспечивающего сосуществование нашей Святой Матери Церкви и большевистской власти. Ибо умные люди понимают, что управлять этими землями без нашего содействия будет трудно или вообще невозможно.

– Я вас понял, брат Феликс, – произнес в ответ Папа, перебирая четки, – вы можете идти, а мне следует остаться здесь, помолиться и поразмышлять. Быть может, Господь и подскажет то, что ускользало от наших взоров прежде. Аминь!

07 апреля 1943 года. Раннее утро. Воздушное пространство над заливом Таранто.

Первым направляющуюся в сторону Рима воздушную армаду заметили радары кораблей из будущего «Адмирал Кузнецов» и «Адмирал Ушаков», которые в составе Черноморского флота обогнули Апулийский полуостров, чтобы несколько часов спустя бросить якоря в бухте Таранто. Еще давеча бригада морской пехоты гвардии подполковника Цезаря Куникова без единого выстрела захватила (или, точнее, заняла) главную базу итальянского флота – и теперь адмирал Ларионов спешил принять под свое командование базирующиеся там корабли, команды которых по призыву Папы перешли на сторону антигитлеровской коалиции. Обычно корабли не способны атаковать летящие на шестикилометровой высоте бомбардировочные эскадры, но данный случай был исключением, ведь в составе Черноморского флота имелся авианосец, основной функцией которого как раз было прикрытие соединения с воздуха. Взревели на взлетном режиме моторы – и дежурное звено «Диких Котов», подпрыгнув на

трамплине, первым ушло в воздух, а самолетоподъемник тем временем вытаскивал из ангара на палубу все новые и новые машины.

Шестьдесят палубных истребителей, имевшихся на борту «Кузнецова» по штату военного времени – это целая истребительная авиадивизия. И вот сейчас, разъяренно жужжа моторами, вся эта крылатая начинка подобно рою разъяренных ос поднималась в воздух машина за машиной. Для старта поршневых истребителей без использования ПРД[8 - ПРД – пороховой ракетный ускоритель, используется для сокращения разбега со сверхкоротких взлетных полос, в том числе и с палуб авианосцев.] на авианосце двадцать первого века не требуется поднимать-опускать газоотбойные стенки, поэтому процесс выпуска в небо авиагруппы шел очень скоро. Нет, ПРД под самолеты подвешивались, но включали их пилоты только после того, как машина, подпрыгнув на трамплине, тяжело зависала в воздухе и, ревя мотором и теряя скорость, начинала карабкаться на высоту. Вот тогда-то, когда авианосец и самолет разделяли несколько десятков метров, а вектор выхлопа уже не был направлен прямо в палубу, и включался ракетный ускоритель, возносящий тяжелый истребитель в небеса, навстречу ползущим над облаками бомбардировочным эскадрам люфтваффе.

Для экипажей полутора сотен бомбардировщиков семьдесят шестой, семьдесят седьмой и сотой бомбардировочных эскадр люфтваффе, два часа назад вылетевших с аэродрома Суды на Крите, появление в воздухе со стороны Апулийского полуострова россыпи неизвестных истребителей, идущих на пересекающихся курсах с превышением около километра, поначалу оказалось полной неожиданностью. Положение осложняло то, что, помимо штатных экипажей, в фюзеляжах самолетов, скорчившись в разных неудобных местах, присутствовали технические специалисты наземных служб. Аэродром в Суде был покинут навсегда, ибо снабжать Критскую группировку в обход захваченной русскими Италией не представлялось возможным. Если обычные пехотные топтуны, оставшиеся на этом острове на верную смерть, должны были героически погибнуть во имя Третьего Рейха и истинно арийского божества, то авиационные технические специалисты представляли собой определенную ценность, которую следовало спасти для повторного использования.

Что же касается приближающихся самолетов неизвестной национальной принадлежности, то недоумение германских пилотов усиливалось тем, что, по сведениям германской разведки, бывшие итальянские королевские ВВС после свержения Муссолини впали в полную небоеспособность и никак не могли

атаковать германские бомбардировщики. Это явление было тем более странно, что сегодняшней налет на Рим должен был стать первым актом войны между Третьим Рейхом и тем непонятным образованием, в которое превратилась Италия в результате кое-как проведенного антифашистского переворота. Для того, чтобы эти кучерявые как негры недоделанные потомки римлян (что есть наглая ложь) смогли сделать хоть что-то правильно, в руководители переворота необходимо было звать немцев или, по крайней мере, русских...

После того как неизвестные истребители приблизились к германским бомбардировщикам на дистанцию визуального опознавания (в бинокль), выяснилось, что это урожденные «американцы» Grumman F4F-4, в советской серо-голубой камуфлированной окраске, с красными «осназовскими» капотами.

«Шайзе! – подумали ошарашенные немцы. – Ведь раз тут имеются палубные истребители американского производства в советской раскраске, то где-то поблизости присутствует и единственный (пока) русский авианосец, с которого они взлетели.»

Но не успели немецкие экипажи как следует осознать, в какую глубокую задницу они влипли, как приближающиеся точки истребителей брызнули в их сторону огнем множества ракетных пусков. К германским бомбардировщикам разом потянулось до сотни тонких дымных следов, каждый из которых увенчивался стремительно разгоняющейся неуправляемой ракетой воздух-воздух.

К этому моменту на вооружении советских ВВС уже стоял реактивный снаряд РС-13Р с осколочной боеголовкой «кругового» типа и головодонным радиовзрывателем (его выпуск советская промышленность уже освоила). Это еще, конечно, не самонаводящиеся «Стрелы» и «Иглы», привезенные с собой пришельцами из будущего, но в то же время уже и не те первые реактивные снаряды, которыми над Халкин-голом советские летчики с «ишаков» стреляли по японским бомбардировщикам. О дистанционном подрыве, чрезвычайно неточном и до крайности усложняющем воздушный бой, речи теперь уже не шло: радиовзрыватель сам подрывал боевую часть ракеты в момент максимального сближения с целью, а та вместо разлета осколков «куда попало» формировала узкий (так называемый «режущий») диск, ориентированный в плоскости перпендикулярной оси полета снаряда. Плотные бомбардировочные формации (в которых до сих пор летали бомбардировщики, чтобы перекрестным огнем стрелков защититься от атак пушечных истребителей) для реактивных снарядов

такого типа, напротив, были легкой добычей. Любая попытка бомбардировщика уклониться от выпущенных в него ракетных снарядов, скорее всего, приведет к разрушению этого самого строя, хаосу и, возможно, к столкновению с соседними самолетами.

Так и получилось. Несмотря на хваленую немецкую дисциплину, у множества пилотов разом не выдержали нервы, и они непроизвольно стали шархаться из стороны в сторону, лишь бы любой ценой уйти с линии прицеливания гонящейся за ними реактивной смерти. Идеально ровный германский ордунг плывущих в небе бомбардировочных «девяток» стал быстро превращаться в неуправляемое самолетное стадо. Со стороны казалось, что пытающиеся спастись от неминуемой гибели бомбардировщики люфтваффе в предсмертном ужасе мычат и блеют подобно натуральным коровам и баранам на бойне. Несколько бомбардировщиков столкнулись между собой и камнем пошли вниз, другие, отчаянно стараясь избежать такой же судьбы, прилагали все свое мастерство, чтобы уклониться от толкающихся соседей – и тем самым рисковали столкнуться с кем-нибудь еще. Одновременно – без всяких команд, но почти синхронно – германские самолеты открыли бомболюки и разом опростали содержимое бомбоотсеков на ни в чем не повинные воды залива Таранто, считая, что налегке у них все же будет шанс на спасение. Впрочем, с этого момента никакой возможности выполнить боевое задание у германских бомбардировщиков уже не оставалось. Бомбы были бесполезно сброшены в воду, и теперь самое лучшее, на что могли надеяться экипажи – это просто дотянуть до территории, занятой немецкими войсками.

Одним словом, получилось головокружительное родео в воздухе с шансами сломать шею пятьдесят на пятьдесят. Но весь этот адреналин поблек в тот момент, когда до немецких бомбардировщиков наконец добрались советские реактивные снаряды. Промаяхнуться по неуправляемому створяющемуся самолетному стаду при массовом ракетном пуске с километровой дистанции было невозможно, поэтому Юнкеры и Дорнье, расчерчивая воздух коптящими следами, посыпались с небес пачками, а в воздухе забелели первые парашютные купола. Бойня получилась страшная. Одним ударом было сбито не менее трех десятков германских бомбардировщиков (считая и тех, что навернулись с небес, просто столкнувшись друг с другом). Еще столько же их получили повреждения различной тяжести и стали отставать от основной массы, постепенно теряя высоту. Некоторые из них, заложив левый вираж, повернули в сторону не такого далекого берега Калабрии, вдоль которого пролегал курс германских бомбардировочных эскадр, другие тупо тянули за основной массой, надеясь непонятно на что.

Но и это был еще не конец. Вслед за ракетами потерявшую всяческое благообразие германскую бомбардировочную формацию прорезали разогнавшиеся на пологом пикировании сами «Дикие коты» первой ударной волны. Шесть пулеметов калибра 12,7 – это, конечно, не авиапушки советских истребителей Ла-5 и Як-3, но все равно вполне достаточный аргумент даже для Юнкерса или Дорнье, особенно если ленты снаряжены бронебойно-зажигательными через один, как это положено в ОСНАЗе, а не через три патрона, как это обычно водится в ВВС РККА. Следствием этой атаки полком «Диких Котов» германских бомбардировщиков, идущих без истребительного прикрытия (у «мессеров на эту миссию просто не хватало дальности), стали новые сбитые и новые подранки, а на рубеж атаки уже выходила следующая волна советских палубных истребителей. Весь вопрос был только в том, чтобы первая волна, закончив атаку и проскочив вперед, перешла в набор высоты и разблокировала директрису[9 - Директриса (не путать с женой директора или с директором женского пола) В артиллерии – прямая линия, обозначающая основное направление стрельбы.] ракетного пуска.

Прошло всего несколько секунд – и вот последние «Дикие Коты» первой волны, набирая высоту после выхода из атаки, поднялись выше бесформенного стада германских бомбардировщиков; и в этот момент небо еще раз брызнуло трассами стартовавших ракет. Еще несколько томительных секунд – и все повторилось вновь, при этом после удара второй волны неповрежденными оставалось не более трех десятков германских бомбардировщиков (из первоначальных полутора сотен), уже не представлявших собой единой массы. С ними в своей атаке разделались истребители третьей ударной волны, у которых вместо реактивных снарядов, под крыльями были подвешены контейнеры с 23-мм пушками. Тем временем «Дикие Коты» первой и второй ударной волны, разбившись на пары, принялись охотиться за разлетающимися во все стороны подранками. В результате, когда все кончилось и «Дикие коты» почти без потерь собрались в походную формацию, чтобы вернуться на свой плавучий аэродром, в воздухе уже не было ни одного немецкого бомбардировщика. И лишь некоторые члены экипажей, выбросившиеся с парашютами, еще цеплялись за жизнь, барахтаясь в прохладных апрельских водах Средиземного моря.

Но на этом действо не закончилось. Едва на перехват германской бомбардировочной формации стартовала первая волна «Диких Котов», адмирал Ларионов приказал поднять в воздух вертолет ДРЛО Ка-31Р. Тот поднялся на высоту около четырех километров и почти на пределе дальности[10 - «По паспорту» радар вертолета ДРЛО Ка-31 опознает одиночную цель типа

самолет/вертолет на расстоянии около ста километров, но ЭПР групповой цели из ста двадцати цельнометаллических бомбардировщиков на два порядка больше, и такая группа будет видна на радаре на расстоянии около трехсот километров сразу после отрыва от земли и на вдвое большей дистанции на «штатной» высоте в шесть километров.] своего радара обнаружил групповую цель, которая не могла быть ничем иным, как бомбардировщиками сороковой, пятьдесят четвертой и шестьдесят шестой эскадр, совсем недавно поднявшихся с аэродрома Катанья на Сицилии. Посылать на их перехват «Диких котов» не было никакого смысла. К тому времени, когда авиагруппа «Адмирала Кузнецова» вернется на свой корабль, дозаправится, пополнит боекомплект и будет готова к вылету, германские бомбардировщики будут уже далеко, предположительно, в окрестностях своей цели – а в том, что это будет именно Рим, адмирал Ларионов не сомневался ни секунды. И курс первой группы, вылетевшей с Крита, точно вел к этому городу, и «сицилийцы» намыливались на Рим. Отомстить неверному союзнику, вдребезги разбомбив его столицу, было так по-европейски, что не вызывало никаких сомнений... С болгарами и румынами расквитаться не получилось, так пусть теперь за все расплатятся итальянцы.

Поэтому командующий Черноморским флотом сразу после получения этой информации приказал своим подчиненным немедленно связаться с расположенным в Бари штабом авиакорпуса особого назначения генерала Худякова и передать туда всю имеющуюся информацию: и по той бомбардировочной группировке, которую уже удалось прищучить, и по той, что недавно вылетела на Рим с аэродрома Катанья в Сицилии. Отдельно генералу Худякову напомнили, что не исключено, что к бомбардировщикам с Крита и Сицилии могут присоединиться немецкие самолеты, поднявшиеся с аэродромов в Северной Италии, Хорватии и Словении, а посему для отражения массированного вражеского налета необходимо поднять в воздух все наличные силы и при этом постараться как следует пнуть итальянцев, побудив их тоже принять участие в защите неба над своей столицей. Ведь на аэродроме Чампино сконцентрировано больше сотни самых современных итальянских истребителей, мало чем уступающих немецким и советским машинам аналогичного класса.

07 апреля 1943 года, примерно два часа спустя. Воздушное пространство над Римом.

Этим утром Вечный Город был разбужен сиренами воздушной тревоги. До этого королевский воздушный флот короля Георга только несколько раз беспокоил

римлян ночными визитами (для снижения потерь среди своих самолетов англичане предпочитали ночные бомбежки), поэтому сначала никто ничего не понял. Мол, с чего бы это, ведь война для нас уже закончилась? Не закончилась. Радар РУС-2, несмотря на всю свою архаичность, групповые цели сумел засечь на расстоянии прямой радиовидимости: «сицилийцы» обнаружались над серединой Тирренского моря, «юнкерсы», вылетевшие из Загреба – над северной частью Адриатики, а «хейнкели» и «дорнье», стартовавшие с аэродромов – в окрестностях Венеции. И первая, и вторая, и третья группы шли с истребительным прикрытием. Дальности «мессершмиттам» с подвесными баками вполне хватало для того, чтобы взлететь в Катанье, сопроводить бомбардировщики до Рима, там сбросить баки, и на запасе топлива в основных баках долететь до нового аэродрома под Венецией. Впрочем, маршруты Загреб-Рим-Загреб и Венеция-Рим-Венеция требовали того же приема, если не считать того, что из Венеции до Рима и обратно мессер мог бы сгонять и без подвесных баков, но только в том случае, если бы не потребовалось вести воздушный бой. И то, скорее всего, уже совершив успешную посадку, самолеты глохли бы на полосе с сухими баками. Впрочем, это к делу уже не относится, поскольку трехсотлитровые подвесные баки имели истребители прикрытия всех трех бомбардировочных групп. На круг (в общем) там было триста бомбардировщиков и примерно вдвое меньше истребителей. По сравнению с сорок первым годом – численность сиротская; но что поделаешь, если за два года войны все люфтваффе стало как один не самый крупный довоенный воздушный флот.

Противостоял этой своре авиакорпус особого назначения генерала Худякова, успевший получить пополнение после рубилова зимней кампании. Авиакорпус ОСНАЗ полного состава весной сорок третьего года включал: сто шестьдесят истребителей Як-3, сто двадцать истребителей Ла-5ФН, сорок «Аэрокобр», восемьдесят штурмовиков поля боя Ил-2, восемьдесят тяжелых лендлизовских истребителей-бомбардировщиков А-20 «Бостон», а также сто двадцать пикирующих бомбардировщиков Ту-2 и полк высотных разведчиков-корректировщиков и носителей управляемого оружия Ту-2РВ. «Лавочкины» и «Аэрокобры» в полном составе сидели на римском аэродроме Чампино, а «Яшки» были разбросаны по полевым площадкам вокруг города. Штурмовики Ил-2 пока находились на недавно захваченном армией Буденного аэродроме под Неаполем, «Бостоны» и разведполк базировались в Бари, а пикирующие Ту-2 так и вообще квартировали в Подгорице.

Пикировщики и штурмовики Ил-2 при отражении воздушного налета вообще оказывались побоку, а тяжелые истребители-бомбардировщики «Бостон», в свою очередь, требовалось прикрывать от немецких истребителей. Да и взлетая с

аэродрома Бари, «Бостоны», эффективные только при атаке на встречно-пересекающихся курсах и не имеющие преимущества в скорости перед «юнкерсами», «хейнкелями» и «дорнье», не успевали на перехват ни одной вражеской бомбардировочной формации. В распоряжении генерала Худякова оставались только одномоторные истребители, которые, собственно, и были созданы для отражения налетов вражеской авиации. Основной ударной силой по уничтожению германских бомбардировщиков должны были стать три полка, укомплектованные самолетами Ла-5ФН, под плоскости которых вооруженцы уже установили направляющие для запуска неуправляемых реактивных снарядов и сейчас торопливо нанизывали на них толстые оперенные колбасы эрэсов.

Ни «аэрокобры» ни «Яшки» реактивных снарядов не несли, так как это не предусматривалось их конструкцией. У американского истребителя единственный узел крепления для авиабомбы или подвесного бака находился точно под кабиной пилота, но запускать оттуда эресы было бы опрометчиво, так как в таком случае им предстояло пролетать через диск вращающегося винта. Что касается «Яшек» (или, если официально, истребителей Як-3), то жизненное уравнение этого сверхлегкого и сверхманевренного истребителя просто не предусматривало установку какого-то дополнительного оборудования, способного нарушить весовые характеристики или испортить аэродинамические обводы. Три 20-мм пушки, скорость больше шестисот километров в час, легкость в управлении и потрясающая маневренность и без дополнительного вооружения делают этот самолет непревзойденным инструментом воздушного боя, убийцей мессеров и фоккеров.

На каждую германскую бомбардировочную формацию, приближающуюся к Риму, предназначалось по одному истребительному полку на Ла-5ФН и одному на Як-3. «Лавочкины» в атакующей группе «Яшки» в прикрывающей. Все так, как было заведено еще в первом авиакорпусе ОСНАЗ генерала Савицкого. Полк на «Аэрокобрах» и еще один (последний) полк «Яшек» прикрывают непосредственно небо над Римом и тиранят те немецкие бомберы, которые все же смогут прорваться к Вечному Городу через отчаянную мешанину собачьих свалок[11 - Собачья свалка – термин, обозначающий неуправляемый, по сути, общий бой, когда каждый дерется сам за себя и в лучшем случае ведомые не теряют ведущих.]. При этом сотня (или около того) новейших итальянских истребителей Макки С 205 Veltro (Борзая) находящиеся все на том же аэродроме Чампино были банально отодвинуты в сторону, ибо уговаривать итальянских летчиков принять участие в защите их же столицы времени уже не было. Эти наивные парни считали, что война для них уже закончена, и присяга, которую они приносили королю и дуче, потеряла силу. В то же время летчиков-

гарибальдийцев, имевших коммунистические и социалистические убеждения, пока было очень мало.

Время, отведенное на подготовку к отражению налета, вышло. В Вечном Городе завывали сирены воздушной тревоги, на взлетном режиме взревели моторы истребителей – и первые машины, разбежавшись по полосе, стали подниматься в воздух. Началось!!! И вот она – частая сыпь черных точек, которые, если посмотреть на них в бинокль, превращаются в германские бомбардировщики и истребители сопровождения. Германские бомбардировочные формации удалось перехватить на расстоянии около пятидесяти километров от центра Рима (восемь минут полета). На подходе к цели бомбардировщики противника снизились на эшелон в три тысячи метров более удобный для прицельного бомбометания, поэтому «Лавочкины» начинали атаку, имея над немецкими самолетами превышение примерно в километр. Еще пятьюстами метрами выше находились обеспечивающие группы «Яшек».

В свою очередь, немецкие летчики считали, что гарнизон итальянской столицы полностью деморализован, и не ждали даже простейшего заградительного зенитного огня. Тем более появление в воздухе россыпи точек, означающих появление большого количества истребителей противника, стало для них потрясением. У итальянских ВВС, даже если бы они еще были боеспособны, с учетом всех потерь просто не имелось в наличии такого количества истребителей, чтобы они могли одновременно атаковать все три бомбардировочные формации. И только в последний момент, когда приближающиеся самолеты выпустили по немецким бомбардировщикам большое количество реактивных снарядов, пришло осознание, что это были не итальянцы, а русские, и даже более того – русский ОСНАЗ, ибо в обычные строевые части реактивные снаряды системы воздух-воздух не поставлялись. Но это знание так и осталось втуне, потому что времени хоть как-то среагировать, у немцев уже не было.

07 апреля 1943 года, 08:32. Воздушное пространство над городком Латина.

Младший лейтенант ОСНАЗ летчик Иван Никитович Кожедуб.

Я, конечно же, стремился попасть на фронт из эвакуированного в Чимкент училища, где служил инструктором, о чем регулярно писал рапорта начальству.

Однако я никогда не предполагал, что меня зачислят в ОСНАЗ, а не в нормальный строевой авиаполк. Насколько я знаю, обычно в ОСНАЗ попадают летчики уже повоевавшие, хлебнувшие лиха, и в ответ заставившие хлебнуть того же немцев. А тут, видишь ли, в середине января училищному начальству пришло распоряжение, что старший сержант Кожедуб переводится в энскую воинскую часть, расположенную в городе Кировограде. Одним словом, начальник училища повздохал, выписал мне проездные документы, аттестат и прочее – и я поехал. Причем не с воинской командой, как положено, а как барин – вместе с гражданскими, на обычном поезде по литерному билету, как будто в отпуск.

Основные сражения к тому моменту уже закончились, но все равно забитые ранеными эвакопоезда попадались навстречу довольно часто. Тех, кому удалось спасти жизнь в прифронтовых госпиталях и медсанбатах, теперь везли на долечивание в далекие теплые края. Хотя какие теплые... В Средней Азии зимой не редкость и мороз в двадцать градусов. Несколько раз навстречу нашему поезду попадались эшелоны, битком набитые пленными немцами: бывших белокурых бестий везли на стройки социализма, где они своим трудом будут повышать благосостояние нашей Родины и крепить ее обороноспособность. Поговаривают, что эти пленные немцы будут строить золотой рудник, продукция которого пойдет на то, чтобы расплатиться за поставки с нашими злейшими друзьями американцами. Это пока идет война, мы с ними друзья, а потом снова всплывут непримиримые противоречия между коммунистами и капиталистами.

Одним словом, долго ли коротко ли, но мои скитания по железным и прочим дорогам закончились – и я оказался в той самой воинской части, куда так сильно стремился. По прибытии выяснилось, что это учебно-тренировочный полк, через который проходят все летчики, переводящиеся из строевых частей в ОСНАЗ. В основном это старшие лейтенанты или капитаны, почти все с орденами и медалями; один я среди них был сиротой-сержантом с треугольниками в петлицах, а не кубарями. Впрочем, встретили меня там как старого знакомого и первым делом присвоили мне звание младшего лейтенанта – как выразился командир полка майор Аверин, авансом, чтобы рука не отсохла козырять каждому встречному поперечному командиру, которых тут просто пруд пруди.

Потом я пытался дознаться, в чем там было дело, но наткнулся на объяснение, что это личное распоряжение товарища Сталина: оказывать наибольшее содействие людям, включенным в какой-то там особый список. За прочими разъяснениями следовало идти к самому товарищу Сталину. Но я не пошел,

просто стал учиться военному делу самым настоящим образом. Ведь если меня включили в какой-то особый список, то я должен был, кровь из носу, оправдать оказанное мне высокое доверие. Помимо всего прочего, инструкторами в нашем учебном полку служили настоящие пленные немецкие летчики из числа тех, что перешли на сторону СССР и вступили в армию так называемой «Свободной Германии». Именно они – иногда через переводчика, иногда через «твоя моя не понимаю» – рассказывали нам о сильных и слабых местах немецких самолетов и вступали с нами в учебные воздушные бои на трофейных машинах. Конечно, это была весьма ценная информация, которая должна была помочь нам как можно скорее разгромить проклятых фашистов, но все равно я не понимаю, как это можно было учить вражеских солдат убивать своих соотечественников...

– Понимаешь, Ваня... – сказал мне один такой инструктор, лучше других научившийся болтать по-русски, – мы все быть прокляты, когда пойти за сатанист Гитлер. Германия быстрее терпеть поражение – больше немцев оставаться жить. Ты воевать лучше – всем потом быть хорошо.

Вот такие, понимаешь, пирожки. Впрочем, полтора месяца учебных курсов пролетели для меня незаметно, и в конце марта я уже был распределен в третий авиакорпус ОСНАЗ генерала Худякова, действующий на средиземноморском направлении. Не успел я прибыть в часть и освоиться от почти суточного перелета на Ли-2 с четырьмя промежуточными посадками, как началась итальянская операция. Впрочем, в начале операции боев не было совершенно. Италия то ли сдалась, то ли перешла на сторону СССР... Одним словом, никто так и не понял, что именно она сделала, но итальянские солдаты сопротивления нашим войскам не оказывают, хотя и воевать на нашей стороне тоже не хотят, и итальянские летчики тоже. Вот сегодня, когда стало понятно, что германские бомбардировщики идут бомбить Рим, на нашу подготовку к боевому вылету итальянцы смотрели с интересом, но и только. Никаких шевелений на стоянках, куда оттащили их зачехленные истребители, не наблюдалось. И только когда повсюду завывали сирены воздушной тревоги, итальянские техники и летчики, сбившиеся в группки на окраине аэродрома, проявили признаки оживления. Но наблюдать за этим было поздно. Моя «Лавка» уже шла на взлет.

Перехватили мы немцев километрах в пятидесяти от этого их Вечного Города. Они как раз снижались, чтобы выйти на самый удобный для бомбежки эшелон, а мы, соответственно, набирали высоту. Атака на пологом пикировании с превышения в километр – это, я вам скажу, нечто. Когда «Лавки», набирающие скорость подобно катящимся с горы санкам, достигли шестисот пятидесяти

километров в час, пришла команда запускать эресы. Противосамолетные реактивные снаряды по групповой цели запускаются залпом всего полка; и тот, кто видел зрелище трехсот дымных следов, одновременно тянущихся к вражеским самолетам, не забудет его никогда... Попали мы вполне удачно: большинство снарядов прорезало вражеский строй и взорвалось среди немецких бомбардировщиков. Множественные кляксы разрывов черного дыма, буквально испятнавшие вражескую формацию, показали, что свое дело мы сделали хорошо.

Но мне некогда было любоваться на горящие и падающие самолеты. Чуть подправив курс, я выбрал один из тех вражеских бомбардировщиков, что находились буквально передо мной. Энергичное сближение, не глядя на кинувшихся в мою сторону мессеров, (потому что ими займутся «Яшки») – и длинная очередь из пушек вспорола «юнкерсу» мотор и кабину; и вот я, проскочив под вражеский строй, отчаянно тяну ручку на себя, чтобы, выйдя на свечу, заложить боевой разворот. Повторная атака – и еще один вражеский бомбардировщик ныряет вниз в последнее пике с исковерканной пилотской кабиной. Кажется, задымился еще один, который шел с ним рядом; но я не уверен, потому что мне некогда разглядывать дело своих рук. На выходе из атаки оглядываюсь. Поблизости ни одного месса. Им не до меня, потому что с ними отчаянно грызутся «яшки», и мне хочется надеяться, что наши побеждают; и черные дымные следы, во всех направлениях исчертившие небо – это от сбитых мессеров, юнкерсов и дорнье...

В четвертой атаке в мой прицел попадает что-то огромное, четырехмоторное, но при этом с опознавательными знаками люфтваффе. Стреляю в него длинной очередью, но, проработав примерно секунду, пушки умолкают. Впрочем, четырехмоторная летающая таранасина как бы нехотя накреняется и, выпустив толстый жгут черного дыма, камнем идет вниз. При выходе из атаки торопливо перезаряжаю пушки, но в ответ тишина... Ну да, не бывает одновременных заклиниваний сразу на правой и левой пушке. По неопытности я просто расстрелял все снаряды. Но это уже не имеет большого значения, потому что вражеская формация раздроблена и потеряла больше половины самолетов, а остальные для уменьшения веса были вынуждены вывалить свой бомбовый груз куда попало, а не на городские кварталы. Чтобы поддержать товарищей, делаю еще несколько «пустых» атак... Но вот поступает команда собираться в группу и возвращаться на аэродром – а это значит, что боеприпасы на исходе у большинства машин, а не только у меня одного. Оглядываюсь по сторонам. Наши на месте в строю почти все, чего не скажешь о немцах, большинство которых догорает по кустам... Это был мой первый бой, и даже не верится, что в нем я

сбил целых четыре вражеских бомбардировщика!

07 апреля 1943 года, 17:35. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Пий XII, урожденный Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, Папа Римский.

С балкона Апостольского дворца Папа Римский имел возможность наблюдать за тем, что творилось в утреннем небе над Римом. К Городу удалось прорваться только единичным бомбардировщикам – самым настырным, остервенелым и везучим; и все они были сбиты еще до того, как прицельно сбросили свой смертоносный груз. Пий XII лично видел, как валились с неба крашенные серой краской бомберы, как вздымались султаны взрывов там, где упали торопливо скинутые бомбы или пылающие самолеты. Он лично слышал вой сирен пожарных машин и видел вздымающееся пламя и дым там, где Вечный Город был все же ранен этими нацистскими отродьями Сатаны. Там раздавался плач и стоны боли, но в масштабах огромного города потери и жертвы были незначительны. Все могло обернуться хуже, гораздо хуже, если бы русские не пригнали сюда свой авиакорпус особого назначения.

Не вызывало никого сомнения, что целью германского налета бал как раз Ватикан: Апостольский дворец, собор Святого Петра, Ватиканская библиотека – одним словом, все то, что в материальном исчислении представляет собой сердце римско-католической церкви. Несомненно, Гитлер приказал убить и его, Папу Римского, а также максимально большее число кардиналов и прочих священнослужителей, ведь адепту дьявола невыносима сама мысль о существовании людей, которые мешают ему превратить весь мир в клоаку зла. Но Папа знал, что русские летчики дрались яростно и не пропустили к Ватикану крылатую смерть, ведь ему успели доложить об ожесточенных воздушных сражениях над Латиной, Тоффией и Риньяно Фламино – все это Пий Двенадцатый никак не мог видеть собственными глазами. А ведь там этим утром было сбито не менее двух сотен бомбардировщиков воинства Сатаны, и поля в окрестностях этих населенных пунктов буквально усеяны исковерканными обломками. Если бы русские не согнали эту адскую стаю с небес на землю, то уже сейчас центр Рима и особенно Ватикан представляли бы собой выжженные руины. Как это бывает, могли бы рассказать Герника, Варшава и Роттердам, вдребезги разбитые германской авиацией. Руины и трупы, руины и трупы – вот

что обычно оставляет после себя Сатана. Папа мимоходом пожалел о том, что не сумел распознать истинную сущность Гитлера в самом начале его карьеры, еще до того, как тот совершил все свое зло. В таком случае, быть может, удалось бы организовать нацизму достойное противодействие, и история Европы в очередной раз не оказалась бы залита кровью еще одной глобальной бойни, как будто мало было Великой Войны, случившейся четверть века назад.

С одной стороны, Пий Двенадцатый был благодарен русским за то, что они всей мощью своего оружия выступили на защиту главной цитадели западного христианства от новоявленных легионов Ада. С другой стороны, он ничуть не раскаивался ни за свои антибольшевистские настроения, ни за рейхсконкордат и ограниченную поддержку раннего Гитлера с его антикоминтерновским пактом. А все дело в том, что, уверовав в реальность «старших братьев» русских, Папа как бы разделил ответственность между ними и большевиками. Он считал, что все доброе, что сделали русские для католической церкви, исходит от мудрого руководства «старших братьев», а все плохое – от большевиков, учеников Маркса, Энгельса и Ленина.

«Старшие братья», раз уж они присланы в этот мир непосредственно Господом, виделись ему кем-то вроде младших апостолов, которые направили большевиков на истинный путь. Ведь не зря все жесты примирения, которые господин Сталин стал делать и в сторону своих русских ортодоксов и в сторону римско-католической церкви, тоже начались только после появления в этом мире «старших братьев», а Гитлер после их прихода окончательно явил свою сатанинскую сущность. Присланные в этот мир извне, они учат, воюют, трудятся на благо всего мира, отделяют агнцев от козлиц и сеют разумное, доброе, вечное. Ну и карают иногда разных нечестивцев... Но без этого тоже нельзя. Если убрать воздаяние за прегрешения, то можно будет совершать любые мерзости, и на земле воцарится сущий ад. Достоевского Пий XII не читал, но истину о том, что если Бога нет, то можно все, понимал на чисто интуитивном уровне. Теперь ему было бы желательно встретиться хоть с одним представителем «старших братьев» высшего эшелона – из числа тех, что непосредственно работают с господином Сталиным, давая ему весьма квалифицированные советы. А пока следовало разобраться, почему во время отражения германского налета на Вечный город итальянские летчики ограничились ролью болельщиков, а не дрались в одном строю с русскими.

Впрочем, Папа и не подозревал, что его желание встретиться с пришельцами из будущего носило взаимный характер. Узнав о том, что произошло в Италии,

Верховный Главнокомандующий схватился за голову. Теперь весь тщательно выверенный в Генштабе план итальянской кампании можно отдавать в сортир на подтирку: вместо его досконального исполнения, заключавшегося в высадке десантов и планомерных наступательных операций, целью которых было перемалывание итальянской армии, советскому командованию (не по вине товарищей Ларионова, Буденного, Рокоссовского и Апанасенко) придется заняться самыми отчаянными политическими импровизациями. Конечно, приятно выиграть сражение без крови и без потерь, но Сталин всеми фибрами души ненавидел ситуации, которые требуют этих самых ежедневных и ежечасных импровизаций, а потому стремился свести такое безобразие к минимуму. Ну что поделать, если по своему характеру Вождь Советского Народа был адептом порядка и на дух не переносил игр Хаоса – с приятными и неприятными неожиданностями.

Поэтому уже к вечеру пятого апреля в Москве была сформирована представительная делегация, руководство которой состояло из товарища Громыко (как главного специалиста по дипломатическим переговорам), товарища Антонову (как главного консультанта из будущего) и товарища Карпова (как главного советского специалиста по религиозным организациям). Охрану советской делегации возглавлял генерал-майор сил спецназначения ГРУ Александр Гордеев. А все это из-за того, что раз уж старая светская власть в Италии самоликвидировалась, а Папа Пий XII проявил себя с самой положительной стороны, то из римской католической церкви следовало немедленно сделать полноценного участника антигитлеровской коалиции. И существование такого государственного образования как Ватикан в этом деле было Советскому Союзу только на руку. С главой пусть карликового, но все же признанного всеми странами государства договариваться не в пример удобнее, чем с обычным руководителем религиозной организации.

Утром шестого числа на самолете Ли-2 посланцы Сталина вылетели с авиабазы в Кратово и после восьми часов полета над территорией СССР, Румынии, Болгарии и Югославии приземлились на югославском аэродроме Подгорица (ныне Черногория). Вылететь из Подгорицы, с последующим приземлением на контролируемом советскими частями аэродроме Чампино, предполагалось следующим утром. Но тут совсем некстати вмешались Гитлер с Кессельригом, затеявшие свой уничтожающий налет на Рим. Вылет Ли-2 отложили, и члены делегации получили возможность с весьма почтенного расстояния наблюдать за спонтанной скоротечной операцией по отражению германского налета на Вечный Город. И только когда в Подгорицу поступило сообщение о том, что истребительные полки авиакорпуса ОСНАЗ успешно отразили вражеский налет,

посланцы Сталина смогли продолжить полет. Над Адриатическим морем Ли-2 встретил истребительный эскорт, и тот со всей возможной торжественностью сопровождал его к конечной цели путешествия, где самолет советской делегации и совершил благополучную посадку через два часа после вылета из Подгорицы.

В пять часов вечера взмыленный (в буквальном смысле) мотоциклист-гарибальдиец доставил в Апостольский дворец послание о том, что прибывшая из Москвы советская делегация испрашивает срочной аудиенции у его Святейшества. Просматривая список членов советской делегации, кардинал Мальоне вспомнил, что брат Феликс, который ездил в Москву как доверенное лицо Папы, именно госпожу Антонову называл главным советником Сталина, и об этом факте было немедленно доложено Папе. До исторической встречи, которая должна была вызвать очередной тектонический сдвиг в мировой политике, оставалось всего полтора часа...

07 апреля 1943 года, 19:01. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Нина Викторовна Антонова.

Когда я слышу слова: «Папа Римский», мне обычно представляется сухонький такой старичок, божий одуванчик, которого шатает любым ветерком. Таким мне запомнился Иоанн-Павел Второй, он же Кароль Войтыла, папствовавший целую эпоху – с тысяча девятьсот семьдесят восьмого по две тысячи пятый год. Его преемники и предшественники в моей памяти как-то не отложились – наверное, потому, что по масштабу были гораздо мельче. Так вот: нынешний папа Пий Двенадцатый совсем не похож на Иоанна-Павла Второго – ни внешне, ни по характеру; тот был миротворец, а этот боец, но, несомненно, что эти два понтифика – фигуры одного калибра... Впрочем, еще неизвестно, как повел бы себя Иоанн-Павел Второй, столкнувшись с угрозой масштаба гитлеровского нацизма.

Что касается молодого Кароля Войтылы, то он в настоящий момент находится на оккупированной нацистами территории и судьба его остается неизвестной. То, что он смог выжить в оккупации в нашем прошлом, совсем не значит, что ему удастся уцелеть и сейчас. Фашист сейчас злее – и просто к неарийцам, и к искренне верующим в Христа. То, что сейчас творится на территории,

контролируемой гитлеровским Рейхом, с точки зрения нормального человека, не поддается никакому описанию. Безумие, помноженное на кошмар. Зверства фашизма, которые мы знали в своей редакции истории, бледнеют по сравнению с тем, что сейчас на оккупированной территории и в самой Германии творят так называемые жрецы СС. Нацизм из почти обычного зла, густо замешанного на алчности, гордыне, подлости и жестокости, под влиянием новой религии превратился в его квинтэссенцию.

Страх Гитлера перед неизбежным поражением, постигший его этим летом после разгрома его армий на южном направлении, привел весь этот мир на край бездны. Одно только хорошо. Нашей армии довольно быстро удалось освободить территорию СССР, и, за исключением Минска, Адольф и его прихвостни не успели нам крупно нагадить. Все зверства сейчас происходят в Европе и падают на головы тех, кто, будь их воля, объявили бы расой господ именно себя, а остальных обозвали бы недочеловеками. Но сейчас именно этих чистокровных европейцев изнуряют на тяжелых работах, а их сестер, подруг, невест и дочерей оптом тащат на жертвенные алтари, чтобы закласть во славу злобного арийского божка. Благодаря такому неожиданному повороту событий Красную Армию абсолютно везде встречают как спасительницу и освободительницу. Вот и Италия тоже пала в наши руки как перезревший плод, едва только мы собрались потрясти эту смоковницу.

Но вернемся к Вильяму нашему Шекспиру, то есть к Папе Пию Двенадцатому. Встречает он нас без большой свиты, можно сказать, по-келейному; помимо самого Папы, в комнате присутствует только кардинал Мальоне, исполняющий в Ватикане обязанности министра иностранных дел, а также двое секретарей-переводчиков, один из которых – наш старый знакомый брат Феликс. Последнее вообще хороший знак, так как демонстрирует готовность Папы к дальнейшему сотрудничеству.

Осмотрев нашу теплую компанию, Папа что-то сказал по-итальянски, явно обращаясь в мою сторону. А вот тут в моем образовании пробел. Английский, немецкий, различные диалекты арабского языка, турецкий и фарси на протяжении своей многотрудной жизни я освоила, а вот итальянский у меня как-то прошел мимо. Но я-то помню, что в прошлом, до того как стать Папой, Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли долго работал на германском направлении, а следовательно, не может не знать языка нашего главного врага.

– Ваше Святейшество, – сказала я в ответ на языке Гете и Шиллера, – итальянским языком, как и латынью, я, к сожалению, не владею. Я знаю, что вы хорошо говорите по-немецки, и мне он тоже неплохо знаком, как и товарищу Громыко – так что давайте говорить так, чтобы обходиться без переводчиков.

– А господин Карпов, – быстро спросил Папа по-немецки, – тоже владеет немецким языком?

– Не так хорошо, как мы с Андреем Андреевичем, – ответила я, – но владеет. Впрочем, с ним вы будете обсуждать соблюдение или несоблюдение сторонами условий конкордата Святого Престола с СССР. Мы же с Андреем Андреевичем будем беседовать с вами как с главой государства Ватикан, так и как с духовным лидером нескольких сотен миллионов католиков.

– Понятно, – кивнул Пий XII, – тогда я отошлю секретарей...

– Брата Феликса оставьте, – ответила я, – почему-то у меня есть предчувствие, что он будет полезен при нашем разговоре.

– Вы это чувствуете или знаете, сеньора Нина? – с серьезным видом спросил Папа. – И вообще, мне хотелось бы знать: когда вы, пришельцы из будущего, даете какие-либо рекомендации или принимаете решения, сколько в этом непосредственного знания и опыта будущих времен, а сколько ощущения того, что будет правильно, а что неправильно?

– Иногда бывает так, ваше Святейшество, – ответила я, – а иногда эдак, но в данном случае я именно ЧУВСТВУЮ, что брат Феликс нам еще пригодится.

– Таким образом, – с серьезным видом сказал Пий XII, – с вами, скорее всего, говорит сам Господь. Конечно, у меня был соблазн записать вас в дети дьявола, но Сатана уже явно сделал ставку на Гитлера, а он слишком практичен для того, чтобы противоречить самому себе. Поэтому, как ни тяжело мне это было признать, я решил, что вы действуете в соответствии с Божьим промыслом и по прямому Его Наущению. В какой-то мере я вам даже завидую, ведь вам даже не приходится молиться и испрашивать откровения. Оно дается вам сразу, в силу вашего положения пришельцев из других времен и одновременно доверенных лиц Господа.

– Ну, не знаю, ваше Святейшество, – сказала я, – на таком уровне над всем этим я даже не задумывалась. Ведь такое чувство, еще называемое интуицией, у меня бывало и раньше, и я знаю, что оно всегда приносило мне успех.

– Сеньора Нина, – назидательно сказал Папа, – вы можете думать по этому поводу что угодно, но таким путем приходят именно Откровения Господни. Мне почему-то союз с вами тоже кажется правильным и абсолютно естественным, хотя еще полтора года назад ничего подобного мне и в голову прийти не могло. И это несмотря на то, что нацисты Гитлера к тому моменту уже совершали свои ужасные злодеяния, за которые их, несомненно, ждет огненная геенна.

– Полтора года назад, – ответила я, – была еще совершенно другая история.

– Вот именно, сеньора Нина, – кивнул согласившийся со мной Пий XII, – и Господь тогда смотрел на наш мир еще под другим углом, ведь в нем не было вас, пришельцев. Но давайте поговорим и в самом деле поговорим об истории. Как мне сообщили, там у вас, не было ничего подобного тому, что творится у нас, Гитлер не обращался в сатанизм и остался в истории обычным злодеем, а не исчадием ада, живым воплощением сошедшего на землю Антихриста.

– И в нашем мире, – сказала я, – Гитлер совершил множество ужасающих злодеяний, не позволяющих говорить о нем как об обычном злодее. И соучастниками этих преступлений стали те европейские силы, которые в самом начале его карьеры видели в Гитлере союзника против коммунистов, социалистов, евреев, гомосексуалистов, либералов и всех тех, кто казался им угрозой существованию европейской цивилизации... Это были как прямые пособники и союзники, сознательно расчищавшие дорогу нацизму, так и те силы, которые считали, что Гитлер делает правильное дело, а потому и не оказывали ему никакого сопротивления. Позже все они пожалели о том, что было сделано, и о том, что было не сделано, но поезд уже ушел, и было поздно плакать по отрубленным головам.

Пий Двенадцатый наклонил голову и прикусил губу. Ведь как раз от и был одной из тех политических сил, которые вооружали и благословляли Гитлера на его борьбу с коммунистами и евреями. Хотели в их представлении как лучше, а получили гноище и пепелище.

– И все же, сеньора Нина, – после некоторой паузы продолжил настаивать Папа, – в чем причина? Почему в этом мире события пошли именно так, а в вашем мире все было иначе?

– Все дело в испуге, – со вздохом сказала я, – этот полудурок Гитлер ужасно перепугался своего поражения, которое обозначилось сразу после нашего появления в этом мире, и втемяшил себе в голову, что, обратившись к могущественным потусторонним силам зла и совершив для них массовые жертвоприношения, он сможет получить поддержку с их стороны. Несчастный художник-недоучка так и не понял, что господин, к которому он обратился, питается исключительно негативными эмоциями: как ужасом жертв во время жертвоприношения, так и страхом палачей перед неизбежностью справедливого возмездия. Обращаясь к таким силам необходимо понимать, что Нечистый ни в грош не ценит жизни тех, кто предал ему свою душу. Единственный его интерес – это увеличение масштабов разрушения и смертей. Его цель – полностью уничтожить мир, убив всех мужчин, женщин и детей. И так называемая раса господ(или же богоизбранная нация, суть от этого не меняется) не будет в этом убийстве исключением, ей только будет предоставлена возможность умереть в последнюю очередь. Но чем больше масштаб злодеяний, тем сильнее будет оказываемое им сопротивление. Если первоначально силы зла маршируют парадным маршем, с легкостью сметая любые препятствия, ибо их противники разобщены и дезориентированы, то чем дальше, тем больше людей осознают масштабы творящегося зла и берутся за оружие, а те, что уже сражаются, вместо отступления при малейшем натиске начинают драться с врагом насмерть, не уступая ему ни на шаг. Момент нашего появления в этом мире – это как раз та точка перелома, когда зло потерпело первое поражение и было вынуждено отступить, чтобы зализать раны. Мы только добавили в наступательный порыв Красной Армии своей ярости и своих умений с целью превратить обычное, по сути, поражение врага в сокрушительные разгром. Последствия разгрома, в отличие от поражения, измеряются не только квадратными километрами оставленной территории, а десятками разгромленных и уничтоженных дивизий, сотнями тысяч пленных и убитых солдат. Пытаясь противодействовать этому неудержимому натиску, Гитлер не понял, что, когда в дело вступают истинно вышние силы, то Князь Тьмы становится не в силах помочь своим адептам, даже если бы он этого захотел. Мощь Всевышнего и Сатаны несоизмерима, и каждая локальная победа Врага Рода Человеческого неизбежно оборачивается его фундаментальным поражением, а мир, отстроенный из руин, становится еще краше и благоустроеннее.

– Аминь, – со вздохом сказал Папа и добавил: – Возможно, вы и правы, сеньора Нина, и в дальнейшем нас ждет красивая и счастливая жизнь, да только мне совершенно не ясны контуры того мира, который вы и ваши товарищи в союзе с товарищами-большевиками собрались строить после того, как эта злосчастная война завершится.

После этих слов Папы между собой переглянулись товарищи Громыко и Карпов – как раз те самые товарищи-большевики, в союзе с которыми мы, по словам Папы, должны будем строить новый мир. Андрей Андреевич уже хотел было что-то спросить, но я не упустила момент и произнесла:

– Ваше Святейшество, только не надо разделять нас, пришельцев из мира будущего, и большевиков. Мы все представляем собой единое целое, плоть от плоти нашего великого народа, и среди нас нет ни слуг, ни господ. А те, что были не согласны с нашим видением будущего этого мира, давно нам не товарищи, а враги народа – троцкисты.

– Так все же, сеньора Нина, – продолжал настаивать Папа, – вы и большевики видите нам в совершенно разном свете. Это именно после вашего прихода в наш мир они начали совершать вполне разумные поступки, а до того момента мы не могли сказать о них ни одного доброго слова. Естественно, нас теперь интересует, не вернуться ли после войны старые времена и не начнется ли новая волна гонений на Божию Церковь, неважно какая она: римско-католическая или русская ортодоксальная...

Тут пришла пора переглядываться мне и товарищу Карпову. Он явно понял вопрос Папы и теперь чуть заметно кивнул мне. Какие уж тут гонения, когда Хрущ уже застрелился, а его соратники и единомышленники один за другим переселяются – кто в адское пекло, кто по обвинению в банальном воровстве в ГУЛАГ, а кто и на малозначущую должность в заштатном райкоме. И, кроме того, уже есть решение: то, что останется в партии от троцкистской группы поддержки, после войны будет самым беспощадным образом соскоблено и брошено на создание государства Израиль нужного нам социального профиля. Чем плох товарищ Мехлис в качестве президента первого в мире государства трудящихся евреев? Пусть они там свирепствуют среди своих и не мешают нам строить Советский Союз с человеческим лицом. Ненавидишь Христа, Магомета или Будду? Делай это тихо у себя на кухне, не возбуждая межнациональной и межрелигиозной розни и не беспокоя друзей и знакомых. В противном случае – не обижайся, если что не так.

Поэтому я отрицательно покачала головой и произнесла:

– Никаких гонений не будет, Ваше Святейшество, ибо это непродуктивно. Люди должны сами решить, куда им идти в воскресенье: в клуб, в церковь или имеет смысл просто вдумчиво покопаться на личном огороде. К тому же если бы Христос родился в двадцатом веке, он непременно стал бы коммунистом, ведь именно коммунистическая партия подняла на свои знамена лозунги о равенстве всех людей, вне зависимости от их национальности и благосостояния. По сути мы не враги, просто священствующим стоит вспомнить о том, что они не только церковслужители, но еще и пастыри своего народа, которые должны разделять с ним все то, что предписал им Господь. Несомненно, церковь должна будет взять на себя значительно большую социальную роль и уделять внимание не столько накоплению богатств, сколько образованию и опеке над бедными слоями населения. Не во всех католических странах советское государство сразу сможет выделить на это значительные средства. Как только церковь приблизится к народу, народ сразу потянется в ее сторону, и иного тут просто не дано. Впрочем, все это прописано в подписанном товарищем Сталиным конкордате между Римско-католической церковью и СССР, а следовательно, все это надо выполнять, а не обсуждать.

– Очень хорошо, сеньора Нина, – сказал Папа, – но если у вас нет желания изменить условия конкордата, я не понимаю, с какой целью вы приехали сюда такой представительной делегацией?

– Мы хотим поговорить с вами не как с главой Римской-католической церкви, – ответила я, – а как с главой государства Ватикан. Нет, мы не хотим каким-либо образом ущемлять ваши права, напротив, чтобы предоставить вам дополнительные возможности в борьбе за царство Божие на земле, мы предлагаем вам ассоциированное членство Ватикана в СССР. Согласившись на наше предложение, вы получите военную защиту, финансовую стабильность и дипломатическую поддержку. И в то же время вы сохраните весь существующий набор свобод. Единственные ограничения касаются дипломатических сношений с теми странами, которые уже ведут войну против СССР... С этого момента говорить с вами будет господин Громыко, а мы с товарищем Карповым пока скромно постоим в сторонке.

11 апреля 1943 года, вечер. Обстановка в Ватикане, Италии и мире

Сказать, что последние четыре дня стали для Папы Пия XII и его присных тяжелым испытанием – все равно что ничего не сказать. Переговоры с посланцами Сталина были нелегкими даже не в силу неприемлемости требований, выдвинутых главой советского правительства. Во время так называемого Авиньонского пленения пап[12 - Авиньонское пленение пап – период с 1309 по 1378 год, когда резиденция пап, глав католической церкви, находилась не в Риме, а в Авиньоне (Франция). Авиньонский период в истории папства мало напоминал реальный плен, скорее, это было сотрудничество пап с сильными французскими королями. Все папы этого периода были французами (точнее, окситанцами), французское большинство было и в коллегии кардиналов, избравших пап. Немало кардиналов служило ранее при королевском дворе. Папы выполняли важные дипломатические миссии в пользу короля Франции, были исполнителями его воли.] условия существования Святого Престола были гораздо жестче. По крайней мере, руководство СССР не требует переноса папской резиденции куда-нибудь в Воронеж. В первую очередь требовалось соблюдение политической лояльности. Никаких антисоветских проповедей в костелах быть не должно, а священнослужителей, уличенных в связях с антисоветским подпольем или иностранными разведками, следовало немедленно лишать сана и предавать светским властям для суда и расправы, как обычных мирян. Вообще это требование было прописано еще в конкордате, но в ассоциативном договоре оно толковалось расширенно и распространялось на территории, лежащие за пределами СССР, а также на ассоциированные с РКЦ полунезависимые церковные организации (вроде одиозной украинской греко-католической церкви). Ведь не секрет, что клир и паства этой подчиненной Риму религиозной организации в антисоветском угаре впала вслед за нацистами в самый густопсовый сатанизм.

В обмен на исполнение требования соблюдения лояльности и помощи в расширении советского влияния Советский Союз, как и обещала госпожа Антонова, брал под военную и дипломатическую защиту не только государство Ватикан, но и всех католиков, где бы они ни проживали. Срабатывала эта статья договора об ассоциации в случае общего геноцида на канонической территории римско-католической церкви или же в случае если ее прихожане подвергнутся гонениям по религиозному принципу. Помимо этого, Ватикану, как ассоциированному члену с правами союзной республики, полагалась квота в Верховном Совете – высшем представительном и законодательном органе Советского Союза: двадцать пять мест – в Совете Национальностей, а также одно место – в Совете Союза и Президиуме Верховного Совета. Помимо этих двадцати шести депутатов с решающим голосом, Ватикану, как государству,

представляющему интересы людей католического вероисповедания во всем мире, в Совете Союза полагалось еще некоторое количество мандатов для делегатов с совещательным голосом.

Вот из-за квоты на эти дополнительные мандаты и разгорелись ожесточенные споры. Посланцы Сталина поясняли, что правило «один депутат на триста тысяч избирателей» в данном случае неприменимо, ибо католики, проживающие на территории СССР, и без того получают в Верховном Совете своих представителей в лице избираемых ими депутатов. И так понятно, что в католических странах при мажоритарной системе выборов по обновленному избирательному закону[13 - С учетом опыта иной истории, в которой безальтернативные выборы загнали политическую ситуацию в СССР в тупик, на выборах депутатов Верховного Совета Второго созыва, запланированных на следующий год после окончания Великой Отечественной Войны, в избирательных списках по каждому мажоритарному округу будут фигурировать три кандидатуры: одна от местной коммунистической партии и две от общественных организаций и профсоюзов, представляющих интересы не менее чем одной четверти населения данного округа.] городские округа будут посылать в Верховный совет местных коммунистов и профсоюзных воротил, а сельские – беспартийных прелатов.

В свою очередь, Папа Пий XII и Государственный секретарь Ватикана монсеньор Мальоне, согласившись с предыдущим высказыванием, указывали на то, что раз уж Ватикан становится ассоциированный частью СССР, то несправедливо оставлять без представительства католиков из тех стран, которые в состав Советского Союза пока не входят. Хотите, чтобы Святой Престол в ваших интересах влиял на Латинскую Америку и другие страны со значительной долей католического населения – обеспечьте этому населению представительство в своем Верховном совете. Пусть даже на первых порах только с совещательным голосом...

После этого высказывания Папы в заседаниях был объявлен перерыв, необходимый для обдумывания этого весьма смелого предложения, и обсуждение переместилось в кулуары. Ни у Громыко, ни у Антоновой, ни тем более у товарища Карпова, полномочий обсуждать такие фундаментальные вопросы не имелось, и прежде чем продолжить разговор, им следовало посоветоваться со Сталиным. Ни Папа, ни кардинал Мальоне не представляли себе, каким образом госпожа Антонова обсуждала этот вопрос с большевистским вождем, однако они понимали, что им удалось серьезно озадачить одного из сильнейших политиков мира. Как говорят те же русские: «любишь кататься –

люби и саночки возить». Хочешь, чтобы на тебя работал весь аппарат Святой Матери Церкви – покажи, что католическая церковь имеет в твоём государстве серьёзное влияние, и что даже те её части, что временно находятся вне единого государства, имеют в его руководстве свой голос.

И вообще – задача получилась такая, которая не имела тривиальных решений. Во-первых – таким образом можно изящно обойти советско-американское соглашение о разделе сфер влияния. Если в интересах СССР в Латинской Америке вместо Коминтерна будет работать аппарат РКЦ, то никаким проамериканским режимам не устоять. А если наследники Рузвельта попробуют применить против полевевшего католицизма военное давление, то они увидят, как вся Южная и Центральная Америка от Мексики до Аргентины вспыхивает и превращается в одну сплошную Панаму. Слово Божие в тех местах – это серьёзно. Во-вторых – в других частях света: Африке, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и даже в Европе (например, в Ирландии) будет то же самое, с той лишь разницей, что по советско-американскому соглашению эти территории относятся уже к сфере влияния СССР. В-третьих – принимая такие условия, Советский Союз совместно с Римско-католической церковью делают заявку на роль наднационального мирового правительства, игнорирующего государственные границы. Как ни удивительно, но такая глобальность свойственна и марксистскому, и католическому мироощущению. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и «нет ни эллина, ни иудея». Везде, где сильно влияние римско-католической церкви, американскому капиталу и политикам для достижения своих целей придется затрачивать двойные-тройные усилия (причем без гарантии конечного результата), а сопротивление советскому влиянию снизится на порядок.

А ведь прямо сейчас американцы уже ничего возразить не смогут. Не то международное положение. Советский Союз в ходе войны набрал уже такую мощь, что даже прекращение ленд-лиза способно лишь чуть притормозить, но не остановить наступательный порыв Красной Армии. А вот Америка, напротив, оставшись в своей войне против Японии без второго фронта на просторах Северного Китая, рискует затянуть изнурительную войну на долгие годы. По некоторым данным, боевые действия могут продлиться до сорок седьмого, а по другим – и до сорок девятого года. В таком случае расплатой за авантюрную политику Рузвельта станет миллион-другой погибших американских солдат. На Панамском канале к апрелю сорок третьего года бои в основном уже завершились, в джунглях продолжают сопротивление лишь небольшие группки японских солдат и панамских ополченцев. Да только вот сам канал теперь проще не восстанавливать, а строить заново в другом месте (например, в

Никарагуа), и уйдет на это от четырех до шести лет.

После двух суток колебаний и обсуждений в кругу соратников Сталин прислал свое согласие, при условии, что этот пункт соглашения пока останется в тайне и будет оглашен и задействован только в том случае, если Соединенные Штаты Америки проявят явную враждебность в отношении Советского Союза или Римской Католической Церкви. Представлять же население этих стран до их присоединения к СССР будут прелаты латиноамериканского происхождения, перешедшие на работу в центральный аппарат Ватикана. Конечно, рано или поздно в Вашингтоне догадаются об истинной подоплеке всей этой деятельности, да только к тому моменту предпринимать что-то будет уже поздно. Помесь коммунизма с католицизмом для нищей и фанатично верующей Латинской Америки – это чрезвычайно серьезно[14 - На тот момент союз коммунистов и католических клерикалов выглядит серьезно не только для Латинской Америки, но и для самой Италии. Сразу после войны на полном серьезе обсуждалась возможность такого союза, причем на обоих флангах итальянского коммунистического движения. Ортодоксальные коммунисты Пьетро Инграо в союзе с левыми клерикалами собирались совершить истинно справедливую революцию в духе критического марксизма, а правые коммунисты-реформисты Джорджо Амендолы планировали использовать союз с католиками для избавления от марксизма и превращения компартии в аморфную массу в стиле современного нам еврокоммунизма.], и при правильной позиции «старшего брата» (то есть СССР) – чрезвычайно устойчиво.

Для достижения конечного успеха поторговаться пришлось только за ту квоту, по которой будут набираться представители от католических стран, не входящих в состав СССР. Советское руководство было согласно на одного представителя с совещательным голосом от трех миллионов прихожан старше восемнадцати лет, а Папа Пий Двенадцатый считал, что будет значительно справедливей одно место от миллиона католиков, без различия их пола и возраста. Вот и торговались до хрипоты еще два дня, прежде чем сошлись на одном представителе с совещательным голосом, делегируемом от двух миллионов прихожан брачного возраста[15 - Брачный возраст в католических странах – шестнадцать лет для мужчин и четырнадцать лет для женщин.].

С учетом того, что в католических странах с традиционно высокой рождаемостью более половины населения моложе двадцати лет, разница между количеством мандатов, запрошенных Папой, и предложенных Сталиным оказалась более значительной, чем можно предположить. К примеру,

для Латинской Америки запрошенная Ватиканом квота составляла сто пятьдесят мандатов, Сталин предложил в ответ двадцать пять мандатов, а компромисс, на котором сторонам удалось сойтись, составил пятьдесят делегатов с совещательным голосом, включая как минимум по одному представителю от каждой латиноамериканской страны. Не так уж и много при том, что численность Совета Союза, избранного на выборах 1938 года, составила пятьсот семьдесят депутатов.

Но главное было не в этих «копейках». Ситуация, сложившаяся после подписания соглашения об ассоциированном членстве Ватикана в СССР, выводило советское руководство на исходную позицию ко вполне реальному продолжению мировой революции. На старом троцкистском базисе эта программа не решалась, ибо уже первый этап такой революции в 1917-1920 годах привел к жесточайшей гражданской войне в России, многомиллионные жертвы которой вызвали в окрестных народах яростное сопротивление. Гитлеровский нацизм и огромное количество его симпатизантов – это ведь не только последствия грабительского Версальского соглашения, но и результат ужаса, который Европа испытала при виде того, каким путем в России устанавливают социальную справедливость. Чтобы избавиться (причем не до конца) от такого наследства, Советскому Союзу потребовалось четверть века, Великие Репрессии, перемоловшие троцкистов заодно с невинными жертвами, и Великая Война, окончательно, казалось бы, сдувшая в небытие углубителей революции.

Время для второго этапа мировой революции наступило после победы СССР в Великой Отечественной Войне. В нашей истории СССР, продвинувшись до Центра Европы, создал так называемый социалистический лагерь, но его возможностей оказалось недостаточно для того, чтобы сохранить восходящий тренд после 1961-го года, после чего все покатило вспять – сначала медленно, а потом все быстрее. На ЭТОТ РАЗ СССР, включающий в себя самые промышленно развитые страны Европы, должен стать на порядок сильнее, военное давление на него, в связи с отсутствием сухопутной границы с враждебным военным блоком, в послевоенный период должно оказаться на порядок слабее, а ВКП(б) с помощью «старших братьев» сумела почти полностью избавиться от пережитков троцкизма. Из этого следовало, что второй этап мировой революции в новом варианте истории будет иметь уже не частичный, а полный успех.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Конкорда?т (от средневекового лат. concordatum – соглашение, от лат. concordo – нахожусь в согласии) – по канонической терминологии договор между папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом.

2

Конкордат Наполеона – соглашение между папой Пием VII и Французской республикой в лице Первого консула, заключённое 26 мессидора IX года (15 июля 1801 года), по которому католицизм был объявлен религией большинства французов. При этом свобода вероисповедания сохранялась, священнослужители назначались и оплачивались государством (предварительно дав клятву верности), а церковь отказывалась от притязаний на возвращение своих земель, конфискованных во время революции.

3

Отец Лжи – еще одно иносказательное прозвище Сатаны.

4

Сестра Паскалина, она же Паскалина Ленерт – экономка и доверенное лицо Папы Пия XII в течение 41 года, с 1917 года (когда ей было 23 года) и вплоть до его смерти в 1958 году.

5

Для римлян Городом (с большой буквы) является только Рим.

6

В наше время шоссе E55-E842-E821

7

Филиокве (лат. Filioque – «и от Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «от Отца и Сына». Стало одним из поводов для разделения единой Вселенской Церкви на католическую и православную.

8

ПРД – пороховой ракетный ускоритель, используется для сокращения разбега со сверхкоротких взлетных полос, в том числе и с палуб авианосцев.

9

Директриса (не путать с женой директора или с директором женского пола) В артиллерии – прямая линия, обозначающая основное направление стрельбы.

10

«По паспорту» радар вертолета ДРЛО Ка-31 опознает одиночную цель типа самолет/вертолет на расстоянии около ста километров, но ЭПР групповой цели из ста двадцати цельнометаллических бомбардировщиков на два порядка больше, и такая группа будет видна на радаре на расстоянии около трехсот километров сразу после отрыва от земли и на вдвое большей дистанции на «штатной» высоте в шесть километров.

11

Собачья свалка – термин, обозначающий неуправляемый, по сути, общий бой, когда каждый дерется сам за себя и в лучшем случае ведомые не теряют ведущих.

12

Авиньонское пленение пап – период с 1309 по 1378 год, когда резиденция пап, глав католической церкви, находилась не в Риме, а в Авиньоне (Франция).

Авиньонский период в истории папства мало напоминал реальный плен, скорее, это было сотрудничество пап с сильными французскими королями. Все папы этого периода были французами (точнее, окситанцами), французское большинство было и в коллегии кардиналов, избравших пап. Немало кардиналов служило ранее при королевском дворе. Папы выполняли важные дипломатические миссии в пользу короля Франции, были исполнителями его воли.

13

С учетом опыта иной истории, в которой безальтернативные выборы загнали политическую ситуацию в СССР в тупик, на выборах депутатов Верховного Совета Второго созыва, запланированных на следующий год после окончания Великой Отечественной Войны, в избирательных списках по каждому мажоритарному округу будут фигурировать три кандидатуры: одна от местной коммунистической партии и две от общественных организаций и профсоюзов, представляющих интересы не менее чем одной четверти населения данного округа.

14

На тот момент союз коммунистов и католических клерикалов выглядит серьезно не только для Латинской Америки, но и для самой Италии. Сразу после войны на полном серьезе обсуждалась возможность такого союза, причем на обоих флангах итальянского коммунистического движения. Ортодоксальные коммунисты Пьетро Инграо в союзе с левыми клерикалами собирались совершить истинно справедливую революцию в духе критического марксизма, а правые коммунисты-реформисты Джорджо Амендолы планировали использовать союз с католиками для избавления от марксизма и превращения компартии в аморфную массу в стиле современного нам еврокоммунизма.

15

Брачный возраст в католических странах – шестнадцать лет для мужчин и четырнадцать лет для женщин.

Купить: https://telnovel.me/markova_aleksandr/pohischenie-evropy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)